

ДМИТРИЙ
ВОРОНИН

Несущие Свет
Высокий замок

Удивительные истории

Несущие Свет

Дмитрий Воронин

Высокий замок

«АСТ»

2008

Воронин Д. А.

Высокий замок / Д. А. Воронин — «АСТ», 2008 — (Несущие Свет)

Некогда великая Инталия находится на краю гибели – вражеские войска подступили к стенам столицы, и поражение в войне стало лишь вопросом времени. Орден Несущих Свет лихорадочно собирает последние силы – но шансов на победу нет. Есть лишь надежда уйти в небытие, не запятнав чести и не изменив клятвам. Уйти, доказав своей славной гибелью верность идеалам Добра и Милосердия. А на острове Зор ждет своего часа величайшее из сокровищ – магическая шпага Изумрудное Жало, способная изменить ход истории. Но кто сумеет освободить зеленое лезвие из каменного плена? И где он – человек, достаточно могущественный, чтобы отдать приказ древнему Клинку Судьбы?

© Воронин Д. А., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дмитрий Воронин

Высокий замок

Глава 1

– Итак, Санкрисст, твои ощущения тебя не подвели, – мрачно заметил торговец, делая глоток вина.

Последнее время он много пил. Слишком много. Если бы это было в моих силах, я приказал бы замку убрать вино со стола, хотя бы на то время, пока Дроган придет в себя. Но замок не выполняет моих приказов... Да, Дроган прав. Я не хозяин здесь, я пленник, которому оставлена лишь иллюзия свободы.

– Торнгарт еще не пал, – пожал я плечами. – Но, вероятнее всего, падет.

– Тебе ведь наплевать на это, да? – В его глазах билось бешенство, а в голосе звучало обвинение.

Ну да, пожалуй... Когда не можешь вмешаться в события, остается только принимать их такими, какие они есть. Торнгарт падет. Слишком уж нетривиально действует Империя в этот раз. Или будет правильнее сказать, что она впервые за известный период истории поступает не так, как от нее ожидали. В чем-то даже нарушает правила игры, устоявшиеся за века. Ведь никому не нужна была победа в этой бесконечной войне, всех вполне устраивал паритет. Или все же кто-то в Империи решил изменить соотношение сил на мировой арене.

К сожалению, в Высоком замке получить ответ на этот вопрос практически невозможно. Быть может, в будущем... когда замок примет в себя еще какого-нибудь неосторожного путника, я смогу узнать новости. Или в библиотеке появится какая-нибудь книга, посвященная политическим играм. Иногда мой каменный тюремщик баловал меня подобными подарками. А пока остается только догадываться, что на самом деле происходит там, в Эммере.

Я прекрасно понимал, что звучит это довольно глупо. В самом деле, для чего начинать войну, если не ради победы в ней. И когда я рассказывал об этом Дрогану, он мне не поверил... хотя сделал вид, что согласен с моими словами. Я не был удивлен – оценить истинное положение дел можно только тогда, когда наблюдаешь за противостоянием этих сил не год за годом, а столетие за столетием. Я говорю «двух», потому что никакое государство, кроме Инталиш и Гурана, принимать в расчет нет смысла. Слишком они малы, слишком слабы. Быть может, появившись в Эммере некая третья сила, и шаткое равновесие нарушилось бы.

А может, она и появилась? На карте много не разглядишь, и кто знает, что на самом деле творится там, в реальном мире.

– Дроган, – примирительно улыбнулся я, – не стоит так переживать. Я не говорю, что ты должен спокойно воспринимать зрелище имперцев, топчущих родную тебе землю, отнюдь. Просто тебе придется осознать, что мы здесь лишь наблюдатели.

Мой голос звучал спокойно, мерно и даже немного гипнотически, хотя большая часть привычной мне магии не действовала в стенах замка. Почему – не знаю, то ли по прихоти самого замка, то ли я, создавая это заклинание, произвольно включил в него ряд ограничений. В конце концов, Творение Сущего всегда немного непредсказуемо.

– Мы лишь наблюдатели, – повторил я. – Мы ничего не можем сделать, чтобы изменить ситуацию...

– А меч? – Его глаза вспыхнули надеждой. – Этот твой Клинок судьбы? Воспользуйся им, Санкрисст! Ты же маг, ты сможешь...

Я покачал головой.

– Увы. Клинки судьбы создавались для Эммера, а мы сейчас не принадлежим этому миру. В замке иные законы... и устанавливает их он сам. Сам же и меняет. Думаешь, за все эти века я ни разу не подумал о такой возможности? В этих стенах Изумрудное Жало бессильно.

– Так что же нам делать?

Вся злость купца исчезла, словно бы мне и вправду удалось воздействовать на его сознание. Может, просто почувствовал, что я не кривил душой?

– Просто ждать. И верить, что кризис минует, и все наладится.

Дилана снова открыла плотный конверт со следами сломанных печатей и извлекла лист мягкой желтоватой бумаги. Несмотря на то, что большинство в Триумvirате чаще пользовались пергаментом, сановники Империи отдавали предпочтение белым, как молоко, листам, получаемым за немалые деньги из Кинтары, а утонченные (и не очень) придворные дамы писали любовные записки на благоухающих розами или сиренью листочках соответствующего (розового или сиреневого, реже зеленоватого) оттенка, Юрай Борох предпочитал быть оригинальным. А может, у него были иные причины писать письма на скучно желтой, рыхлой бумаге, изготавливаемой Лудскими мастерскими на севере Империи. Зато к содержанию своих посланий он испытывал поистине трепетное отношение – Дилана не в первый раз получала подобные конверты и привыкла распутывать боевые заклинания-ловушки, защищавшие скрытые в письме тайны куда надежнее массивных печатей с оттиском перстня верховного жреца. Ей было известно, по меньшей мере, пять случаев, когда получатель, не справившийся с защитными заклетами, превращался в обугленную головешку.

Иногда ей приходила в голову мысль, что такие послания – прекрасный способ изящно расправляться с неудобными. Имеет право верховный жрец заботиться о тайне своей переписки? Безусловно. А если у адресата не хватило умения... что ж, можно ли в этом обвинить Бороха?...

Глаза сквозь прикрытые ресницы, невероятно длинные – предмет зависти любой женщины, хотя бы раз увидевшей Дилану вблизи, – вновь пробежали по строкам. Инструкции... Танжери вновь ощутила, как по коже пробежала волна холода. На ее руках было немало крови, но до подобного она, пожалуй, не додумалась бы. И все же, Борох был прав. Армия Инталии, порядком потрепанная, все еще представляла немалую угрозу, и если гвардия прибудет под стены Торнгарта, то имперцам придется несладко. Быть может, победа и будет одержана... Дилана пожала плечами, решив, что «быть может» тут неуместно – но вопрос в том, какой ценой.

Борох, как обычно, не ограничился одними идеями – он вообще редко оставлял что-либо на волю судьбы или, что хуже, на усмотрение исполнителей, предпочитая планировать все до мелочей. Увесистая сумка, стоявшая сейчас в тайнике, спешно оборудованном в каменной стене, содержала все, что требовалось для выполнения этого задания. А Дилане требовалось подобрать людей... и потом, после того как дело будет сделано, проследить, чтобы ни один язык не мог сболтнуть лишнего.

«Интересно, а в моем молчании Юрай столь уверен? – подумала она, не испытывая от этих мыслей особого восторга. – Или он попытается найти кого-нибудь, кто укоротит язык и мне?»

Как бы там ни было, но во всей Империи мало найдется людей, готовых рискнуть головой и отказаться исполнить прямой приказ верховного жреца и Эмнаура. Хотя Дилана могла бы и попробовать... только зачем? Она служила Императору, а то, что планировал Борох, должно пойти Империи на пользу. Во всяком случае, на первый взгляд. Все, что задумывал и осуществлял верховный жрец, как правило, имело два или три скрытых смысла, наверняка и здесь не все так просто. Но подумать об этом можно и позже.

Убрав письмо в конверт, Дилана бросила его в мраморную чашу и прошептала слова, активирующие «пламя недр». Бумага вспыхнула, спустя несколько мгновений камень затрепал от перегрева, а конверт вместе с содержимым исчез, не оставив даже пепла – легкие хлопья смешались с плавящимся камнем. Затем женщина дернула шнурок звонка. Один раз. Если колокольчик прозвонит дважды, в комнате появится вооруженная до зубов охрана. Особой нужды в этом не было, Дилана сама стояла не одного десятка гвардейцев, но солдаты приносили пользу – в тех случаях, когда Танжери была не в настроении заниматься грязной работой сама.

В этот раз колокольчик прозвенел единожды. Значит, ей нужен посыльный.

Дубовые створки распахнулись, и на пороге появился молодой гвардеец. В элитные имперские части выбирали не просто тех, кто отменно умел владеть оружием, офицеры отбирали солдат и с учетом роста и стати. Горбуну или коротышке, хоть бы он был мастером меча, дорога в гвардию была закрыта. Другое дело, что и им нашлось бы применение, Империя не привыкла разбрасываться людскими ресурсами.

– Леди?

– Айрик, мне нужны... – она на мгновение замялась, прикидывая, – скажем, шесть человек. Обычных молодых солдат, не из гвардии. Они должны свободно владеть инталийским... И, пожалуй, пусть у них будут светлые волосы... да, густые светлые волосы.

– Да, госпожа.

Похоже, гвардейца это поручение ничуть не удивило. Дилана с некоторым огорчением подумала, что парень, будучи приставлен ей в помощь, уже сейчас слишком много знает. Вероятно, в ближайшем будущем ему предстоит проявить мужество во время очередного штурма... Седрумм с пониманием относился к подобного рода пожеланиям леди Танжери, к тому же заметно лучше других имперских офицеров осознавал, что не стоит без острой необходимости задавать лишние вопросы личной императорской убийце.

Волшебница взяла со стола тонкий стилет, задумчиво посмотрела на узкое хищное лезвие. Это было дорогое оружие, быть может, излишне украшенное. Но сталь отменная... Ее тонкие ухоженные пальцы стиснули узорчатую рукоять... Солдат, навытяжку стоящий у двери, чуть заметно вздрогнул.

– Я хотела бы увидеть первого солдата уже сегодня... – Она чуть помедлила. – Предстоит выполнить особое задание, и это все, что им следует знать. И тебе, Айрик, тоже.

– Будет исполнено, госпожа.

Он вышел. Дилана откинулась на спинку кресла. Это кресло, как и весь дом, досталось ей задешево – стоило лишь попросить. Она не испытывала особого интереса к штурму Торнгарта, а потому и разместилась на некотором удалении от осажденного города, в довольно приличной и, что немаловажно, совсем не разграбленной усадьбе, владелец которой уже не имел возможности возражать против такого грабежа. Он, собственно, уже ни против чего не возражал – мертвые вообще отличаются редкой покладистостью. Вероятно, кто-то из офицеров уже присматривал дом для себя, потому и пресек неизбежный грабеж, но слово Диланы Танжери могло перевесить даже самую ярую тягу к наживе.

Но этот дом, эта дорогая, а по аскетическим меркам Гурана прямо-таки немислимо роскошная мебель, эти ковры на полу и на стенах, новехонькие, без малейшего следа потертостей, эта серебряная посуда тонкой работы и прочее добро, наполнявшее возведенное из привозного белого камня строение, ее ни в малейшей степени не интересовали. Все преходяще... рано или поздно она покинет усадьбу, на радость тому, кто сумеет первым наложить лапу на бесхозное имущество. Танжери лучше многих знала простую истину – лишь золото имеет ценность. Его легко отнять, но золотые монетки так одинаковы – ушли одни, придут другие, быть может, еще в большем количестве. Его можно потерять – но можно и найти... если знать, где следует искать.

Правда, были вещи, которые она ценила выше простого золота. Древние книги. Немногочисленные, и оттого еще более ценные артефакты, пережившие тысячелетия. И еще одно...

Власть. Не ту помпезную, видимую каждому власть, которой обладают святители и императоры. И не ту, что основывается на мудрости и знаниях, как у высших иерархов Ордена. И даже не тайную власть, что основывается на крови – власть Тайного Братства, к которому она некогда принадлежала. Дилана была уверена, что приложи она достаточно усилий, и следующего Старшего Брата узнавали бы по пухлым, чувственным губам и длинным ресницам. Она смогла бы, нет сомнений – но такая власть была ей не нужна.

Она жаждала иной власти – власти над самой собой. Иные люди называют это свободой – но свобода тоже бывает разной, и часто громче всех кричат о свободе люди, для которых она – единственное достояние. Нет, свобода нищеты, свобода ненужности, свобода бессмысленного существования... все это не то. Дилана была богата, независима, сильна. Ее невозможно было (кое-кому пришлось убедиться в этом на собственной шкуре) принудить делать то, что ей не хотелось, но если она чего-то желала, то добивалась этого любыми путями – силой ли, золотом или своим очарованием. И если она служила кому-либо, то лишь тому, кого сама избирала себе в повелители. На время.

Обрастая имуществом, человек постепенно становится зависим от него. Привязывается к удобным привычным вещам, к мягкому креслу, жаркому камину или дружелюбной собаке. К слугам и друзьям. К могилам предков и к прошлому... и ему трудно становится что-либо изменить в своей жизни, ему жалко – нет, ему страшно расстаться даже с малостью из этой тяжелой ноши, и человек бредет по жизни все медленнее и медленнее, пока ноша не станет для него непосильной. А потом останавливается – и это становится для человека началом конца.

Дом, мебель, конюшня с полудесятком отличных скакунов... многие в Империи продали бы душу Эмиалу за такую добычу. Она же воспринимала роскошную усадьбу лишь как временное пристанище. Там, в Броне, у нее был дом. Как необходимость – Дилана проводила в столице достаточно много времени, и без дома, роскошного, богатого, расположенного неподалеку от императорского дворца, было совершенно невозможно обойтись. Иначе на нее станут показывать пальцем, как на нищенку. О, она вырвала бы этот палец по самое плечо, но все рты не закроешь, все ехидные ухмылки с лиц не сотрешь. Поэтому ее жилище вполне соответствовало ее статусу. Но входя в стены, которые принято называть «родными», она не испытывала ощущения, что пришла домой. Это было все то же временное пристанище... которое не жалко однажды оставить навсегда.

По той же причине Дилана не имела друзей... думала, что не имела. Правда, был еще Битран, спутник, телохранитель, любовник... Волшебница долгое время считала, что Керб – не более чем пес у ее ног, которому можно бросить кость, можно пинком прогнать прочь... Когда Керб остался, чтобы дать ей возможность бежать, она не испытывала угрызений совести. Он ведь выполнил свою работу, не так ли? Ту, за которую она платила ему.

Позже, когда в подобной же ситуации умер матрос, так и оставшийся в ее памяти под кличкой Рыбак, а вместе с ним и старый больной Бордекс Лат, она ощутила разницу. Не было той пустоты, что осталась в душе после ухода Керба. Погибли и погибли – что ж, судьба. Тем более не прикрой они отступление Диланы своими телами, что их ждало? Медленное угасание – магу, смерть в пьяной драке – матросу. Ничем не лучшая участь. А Керб...

Она пыталась его спасти. Пыталась надавить на Консула, поскольку у того в застенках во все времена имелось достаточно инталийских шпионов, которых можно было бы обменять на ее телохранителя. Блайт вроде бы и не отказывался, и даже – это она выяснила доподлинно – направил в Инталию соответствующее письмо. Но то ли Орден не захотел выпускать из рук ценного свидетеля, то ли письмо Блайта оказалось недостаточно красноречивым, а его обменное предложение – недостаточно щедрым... Дилана, понимая, что первое предположение вер-

нее, предпочитала все же винить в неудаче Консула. И Ташу Рейвен, разумеется. Ее – в первую очередь.

А потом его повесили... не удостоили даже почетной для воина смерти от меча, просто повесили, как какого-то вора. И оставили болтаться в петле на виду у армии, вставшей под стенами Торнгарта, словно рассчитывая, что это зрелище устрасит гуранских солдат. Все понимали, что несколько десятков раскачивающихся на ветру тел не прибавят штурмующим ненависти, не вселят в их сердцах страх. Имперцы явились к белым стенам со вполне определенными целями, и подобные украшения на стенах не способны были поколебать их решимость.

А вот Дилана при виде этого зрелища испытала поистине жгучую ненависть, и тому, на кого она была направлена, стоило бы посочувствовать.

– Я найду тебя, Таша Рейвен.

Эти слова она произносила не в первый и не в десятый раз. Если бы простые слова, не имеющие отношения к древнему магическому языку, содержали бы в себе хоть каплю силы – то леди Рейвен давно бы уже скончалась в ужасных муках. Дилана смотрела в стену невидящим взглядом, а стилет в ее руке снова и снова вонзался в подлокотник кресла, кромсая дорожную кожу.

Гвардеец и впрямь управился быстро – солнце еще не коснулось горизонта, а первый из будущих исполнителей ее воли уже стоял в покое. Волшебница внимательно осмотрела мужчину – пожалуй, именно то, что нужно. Светлые волосы, невыразительное лицо, невысокий, кряжистый... он ни в малейшей степени не походил на потомственного гуранца. Да и вряд ли был им – такая внешность более чем характерна для юга Инталии. Мужчина явно чувствовал себя не лучшим образом – среди солдат уже ходили слухи, что далеко не все, входившие в этот особняк, выходили обратно. Сейчас он, вероятнее всего, уже не верил в пресловутое «особое задание» и лихорадочно рылся в памяти в поисках проступка, который вызвал интерес самой Диланы Танжери.

Ей предстояла долгая работа. Можно было бы проинструктировать солдата, но Дилана не была уверена в том, что он проявит нужное рвение, когда узнает все детали поручения. Проклятие, она даже не была уверена, что он не бросится на нее с оружием – время от времени у солдат просыпались своеобразные представления о чести, которым в планах Бороха места не отводилось. Значит, придется пустить в дело «путы разума», а это заклинание высасывало много сил. После того как она закончит с шестым, ей понадобится длительный отдых – и никакой магии. По меньшей мере дня четыре.

– Сядь – Дилана указала ему на глубокое кресло. Мужчина поспешил исполнить предложение-приказ с таким рвением, словно промедление могло стоить ему жизни.

– Закрой глаза, – мягко сказала она. – Тебе ничего не угрожает.

Судя по выражению его глаз, веры ее словам у мужчины не было ни капли.

Пухлые губы Диланы растянулись в доброжелательной улыбке. Она могла улыбаться по-разному. Соблазнительно или насмешливо, ласково или надменно. Могла вызвать страсть – или мороз по коже. В ее жизни все было оружием – и магия, и кинжал, и внешность. Всем этим Дилана владела в совершенстве.

– Мне нужна твоя помощь, солдат. Это очень важное дело, и ты получишь большую награду. Но сейчас тебе надо закрыть глаза. И дышать глубоко и спокойно. Расслабься, прошу тебя.

Внутренне она начала раздражаться, но на лице по-прежнему сохранялась маска очарования.

«Может, плюнуть на все эти условности? – мелькнула мысль. – Позвать солдат, пусть его свяжут...»

Словно бы услышав ее мысли, мужчина зажмурился и задышал глубоко и старательно. Дилана провела пальцами по его волосам, затем зашептала слова усыпляющего заклинания. Обычно человек, пребывающий в напряжении, может успешно сопротивляться «сну», поэтому его используют редко – разве что дать отдых больному или старику, мучающемуся от бессонницы. Солдат и в самом деле старался выполнить инструкции Диланы и расслабиться, поэтому продержался недолго, скоро дыхание стало по-настоящему ровным, мышцы расслабились. Он заснул... сейчас ни громкие звуки, ни пощечина, ни кувшин ледяной воды не способны были вывести это тело из колдовского сна.

Теперь следовало заняться другим, более трудным делом. Дилана срезала прядь волос солдата, стараясь, чтобы не появилась проплешина, кольнула его палец, сцедив в небольшой стеклянный флакон десяток капель крови, тут же заботливо затянула ранку. Затем в дело пошли многочисленные скляночки из ее запасов – сюда, к стенам Торнгарта, Дилана явилась во всеоружии. Капля за каплей лились драгоценные зелья (разноцветные эликсиры стоили много больше, чем золото того же веса, даже если считать вместе с флаконами) в небольшую костяную чашу – для изготовления магического состава не подходило ни стекло, ни керамика, ни металл – только лишь кость. Обрезки волос мгновенно растворились в едкой жидкости, которая вскоре начала дымиться. Дилана тут же влила в зелье кровь, тщательно перемешала полученный состав костяной палочкой. В воздухе поплыл неприятный, липко-сладкий аромат.

Из своего дорожного сундука Дилана извлекла кожаный футляр с набором игл для татуировки. Для наложения заклинания требовалось обрить голову и начертать руны на коже затылка, но сейчас делать этого не стоило. Любой солдат – будь он имперцем или инталийцем, увидев человека с черными рунами на выбритой коже, как минимум попытается задержать его... а то и убить, ведь всем известно, что «путы разума» не накладывают просто так. Значит, придется работать тоньше...

На нанесение рун у Диланы ушло больше часа – одно неверное движение, и этот рисунок придется начинать сначала, хуже того, и смесь придется готовить заново. Но подобную работу она делала не впервые, а потому руны были вычерчены без малейшего изъяна. Затем произнесла заклинание. Дело было сделано, теперь можно было расплести сонное заклятие и объяснить воину, что и как ему следует сделать. Заклинание «путы разума» делало из человека больше чем послушного раба. Он не просто выполнял приказы – он всем сердцем жаждал выполнить их как можно лучше. Любой ценой. К сожалению, чары «пут» были довольно сложными, и далеко не каждый маг умел их применять. К тому же через два-три десятка дней заклинание рассеивалось само собой и знаки исчезали с кожи. Да и эликсиры дороги... А жаль – армию, состоящую из воинов, околдованных «путами разума», невозможно победить.

Единственной проблемой было как раз то, ради чего это заклинание и применялось. Излишний энтузиазм, совмещенный с недостаточно ясным пониманием желаний хозяина, мог привести к тому, что околдованный сделает или не то, чего от него ждут, или не так. Требовалось очень точно объяснить «спутанному» его задачу – Дилана говорила короткими фразами, поминутно переспрашивая, чтобы убедиться, что инструкции поняты верно. Наконец она решила, что сказала достаточно.

– Возьми. – Волшебница протянула воину небольшую флягу из серебра. – И уходи. Отправись на рассвете.

– Будет исполнено, госпожа! – Глаза воина светились от радости при мысли о том, что хозяйка будет им довольна. Он сделает все, что потребуется, и даже больше, лишь бы доставить ей удовольствие. Прицепив флягу к поясу, воин – имени его Дилана так и не узнала, да и не особо волновали ее подобные мелочи – вышел, на прощание бросив на госпожу взгляд, преисполненный обожания. Теперь, на ближайший месяц, все помыслы «спутанного», все его желания будут направлены на исполнение полученного приказа.

Волшебница вздохнула... да уж, следующего кандидата она прикажет просто как следует стукнуть по голове – во всяком случае, не придется тратить время на уговоры и силы на наложение сонных чар.

Огромный воинский лагерь жил той особой жизнью, которая сразу дает понять каждому, хотя бы немного знакомому с армией, что враг далеко и непосредственной угрозы нет. Шатры офицеров и палатки простых солдат были разбросаны по огромному полю без видимого порядка, патрулей с оружием в руках немного – не столько охраны ради, сколько поддержания порядка для. О том, чтобы окружить лагерь частоколом, никто и не думал. Здесь, в самом центре Тимрета, опасаться нечего – если враг появится, то сперва ему придется встретиться с пограничниками независимого герцогства... а там и армия придет в движение, дабы дать надлежащий отпор. Только отпор-то давать и некому. Гуранцы плотно увязли у стен Торнгарта, белая крепость, выдержавшая первые штурмы, теперь будет сопротивляться осаде достаточно долго.

В лагерь непрерывным потоком вливались подводы, везущие снесь и дрова, уголь для кузниц и бочонки с элем. Герцог Сивер не старался изобразить из себя радушного хозяина, от появления в своих владениях тысяч вооруженных мужчин он в восторг не пришел – но кладовые свои распахнул, пусть и скрепя сердце. Дисциплина – дисциплиной, но если солдат не кормить, они попытаются добыть себе провиант сами. И ничем хорошим это не закончится.

К хмурому небу подымались многочисленные струйки дыма. Большая часть солдат, свободных от воинских упражнений, были приставлены к делу. Одни под присмотром мастеров военного дела варили смолу в огромных чанах – будучи должным образом обработана, эта смола превращалась в отличные снаряды для катапульт. Подожженные черные шары, вреза-ясь в цель, разбрасывали огненные брызги на десятки шагов вокруг. В северной части лагеря целыми днями визжали пилы, смачно врубались в дерево топоры – там неспешно, с толком и прилежанием, делали стрелометы. Маленькие «скорпионы», которые вполне можно было разместить на простой телеге, метали копь-я шагов на четыреста – такое копь-е человека пробивало навывлет, вместе со щитом и кольчугой. А при удачном выстреле нанизывало на остро отточен-ное жало двоих-троих сразу. Более тяжелые «драконы» могли разом выпустить четыре, а то и пять копий веером – слаженный залп трех-четырех десятков «драконов» останавливал ата-кующий рыцарский клин. Здесь же делали и другие метательные машины – во время отступ-ления армия Ордена потеряла почти все катапульты и теперь неторопливо восстанавливала былую мощь.

Неподалеку от плотников работали кузнецы – железо предоставил за вполне разумную плату все тот же герцог. Мечи и топоры, копь-я для стрелометов и наконечники стрел, арбалет-ные болты и кирасы – два десятка кузнецов и почти сотня подмастерьев трудились и днем и ночью, сменяя друг друга у горнов. Здесь работали не только мастера, пришедшие с потрепан-ными орденоскими полками, но и местные – Орден платил. Пока еще было чем.

Часть солдат ежедневно отправлялись на заготовку древесины. Лес в герцогстве всегда считался большой ценностью – Тимрет мог похвастаться лучшими лесами, а потому торговля бревнами и досками приносила Сиверу Тимретскому весьма существенный доход. Только ему – простым крестьянам, разумеется, позволялось заготавливать дрова для своих печей, но при-казчики герцога бдительно следили, чтобы топоры смердов не касались ни строевого леса, ни ценных пород дерева. А если и касались – то за плату. Сейчас могучие деревья валились одно за другим, специально приставленные к лесорубам писцы старательно учитывали каждое бревно – может, впоследствии герцог и не предъявит Инталии счет, но уж что-нибудь выторговать попытается непременно.

Но основным занятием в армии были, есть и будут тренировки. Каждый день в лагере гремело железо – пахарей и рыбаков, пастухов и землекопов учили владеть оружием.

– Сомкнуть щиты! – орет сержант, топорща усы и грозно сверкая глазами. – Сомкнуть, козлы! Плотнее! Теперь вперед десять шагов! Не рвать строй!

Крестьяне, мокрые от пота, уже с видимым трудом ворочают тяжелыми деревянными щитами, время от времени с ненавистью поглядывая на сержанта. А тот, хоть и носится по полю втрое больше любого из обучаемых, ничуть не выглядит утомленным. В перепалку с ветераном вступать никто не решается – только заикнешься об отдыхе, тут же получишь в рыло без разговоров. Командир сам знает, когда прекратить тренировку.

– Крепи оборону!

Первая шеренга щитоносцев падает на одно колено, опуская щиты на землю и почти полностью прячась за ними. Сверху у каждого щита выемка, в которую тут же бухаются длинные тяжелые копья, упираясь тупым концом в землю, выставляя кованые жала навстречу воображаемому врагу. Такой строй нелегко пробить и латной коннице.

– Арбалетчики!!! Пли!!!

Раздаются нестройные хлопки арбалетов, слышатся глухие удары – некоторые из стрел достигли цели, поразив деревянные мишени. Сержант морщится – плохо стреляют, плохо.

– Сомкнуть щиты! – снова звучит команда, заставляя щитоносцев встать. – Вперед, крысоеды, десять шагов!

Арбалетчики остаются на месте. Сейчас их задача – побыстрее перезарядить свое громоздкое оружие, затем нагнать медленно идущие шеренги – как раз к тому моменту, как вновь прозвучит команда крепить оборону и придет их черед бить в цель поверх голов присевших щитоносцев и согнувшихся, словно в поклоне, копейщиков.

Неподалеку другой ветеран учит тех, кто помоложе да посмекалистей, управляться с крючьями и алебардами. Этот явно не крикун, говорит неторопливо, веско – и слушают его внимательно.

– Пока рыцарь на коне – он силен! – вещает солдат, теребя седой ус. – Только крюк длиннее, чем его меч. Цепляй его, да побыстрее. Оплошаешь – он до тебя мечом дотянется или древко перерубит, а в бою без оружия – сразу конец. Тот, кто латы делает, тоже, чай, не дурак – с иных доспехов крюк соскользнет, не зацепится. Так что постараться придется. Ежели совсем никак не подступиться – бей крюком коню по голове али по ногам. Круп у коня кольчугой, а то и пластинами прикрыт, и шея тоже, и грудь. А ноги да брюхо – места уязвимые. А если у тебя алебарда – руби что есть мочи да близко не подходи. Самым кончиком алебарды руби, лучше всего – по ногам рыцарю. Тогда, ежели с лошади свалится, встать уже не сможет.

Парни кивают, мысленно уже примериваясь, как будут цеплять гордых латников крючьями, как будут стягивать их на землю... Что ж, дай им Эмиал удачи. Рыцари учатся владеть оружием с детства, их мечи быстро доберутся до холопских тел. Но там, где падут трое-четверо, пятому может улыбнуться удача.

Самые способные обучаются бою на мечах. Пока на деревянных, тяжелых и неудобных. Скоро от этих оглобель останутся одни щепки, но к утру плотники понаделают новых. Научишься ворочать деревяшкой – железный клинок покажется чуть ли не перышком. Четыре десятка мужчин, разбившись на пары, вовсю охаживают друг друга мечами, время от времени прерываясь, дабы выслушать очередную порцию брани от инструктора.

– Ты чего ему по щиту колотишь, остопоп? Если щит железом окован, меч сломаешь, если целиком деревянный – клинок увязнет. Пока выдернешь – три раза сдохнешь. И не заматывайся так, сразу вся грудь открывается, ткнут острием – и ты труп. Колоть старайтесь, в давке колоть куда лучше, чем рубить. У пехоты мечи короткие, с такими сподручнее. А длинные клинки – это для рыцарей, что с коня удары наносят, либо с таким же благородным один на один рубятся. По всем, мать их, благородным правилам. Вот, смотри, как надо!

Солдат берет деревянный меч и несколько минут отбивается сразу от троих противников. Те впустую рубят воздух или щербят свои деревянные о ловко подставляемый щит, тогда как ветеран наносит точные колющие удары – и вот все трое стонут, оглаживая ушибленные места.

– Поняли, крыседы? Так, начали!

Невысокий кряжистый десятник в кольчуге и при мече неспешно шагал по лагерю, направляясь к шатру, где расположился рыцарь, командующий полком. В иное время каждую сотню ведет в бой светносец, но сейчас почти все белые рыцари ушли в Торнгарт, и в войске их осталось немного, десятка три от силы. Теперь сотнями командуют сержанты, а десятников назначили новых – из ветеранов. Честь немалая, в мирное время дослужиться до десятника непросто. Да и не только честь – платят десятнику куда больше, чем простому воину. Вот и рвут жилы новоиспеченные командиры, стремясь доказать, что достойны доверия.

Перед десятником шагал солдат – совсем еще мальчишка, лет семнадцати, не больше. Кожаная, набитая конским волосом куртка болталась на худом теле – да уж, статью не вышел боец. Видать, сытым нечасто бывал. Такие в армию идут охотно, все лучше, чем целыми днями ковыряться в земле, ставя свою жизнь и жизнь домочадцев в зависимость от дождей и ветров, от половодья и засухи. А если повезет, то через двадцать лет вернется домой уже с серебром в кошельке, найдет себе какую-нибудь женщину, отстроит домик... и будет весьма уважаемым в селе человеком.

– Иди быстрее! – прорычал десятник, отвешивая юноше подзатыльник.

Мало кто из таких вот мальчишек задумывался о том, что возвращаются со службы далеко не все. Особенно в военное время. Но и в мирные годы у солдат хватает рискованных дел. То за разбойниками охотиться, то бунт какой приключится. А на границе – там стычки с гуранцами часто происходят, и тоже не всегда малой кровью дело обходится. Но если доведется пасть в бою – то смерть славная. И Орден позаботится, чтобы родня погибшего, буде таковая найдется, получила несколько увесистых монет.

А есть и другая смерть. Тех, кто пытался самовольно оставить службу, ловили и вешали нещадно, но там разговор был коротким – петля, краткая молитва Эмиалу, мол, прости грешного. И удар ногой, выбивающий чурбак из-под ног дезертира. Совсем иначе поступали с теми, кого ловили на грабежах – этих преступников, как правило, забивали кнутах до смерти. И эта пытка длилась долго – полковые маги внимательно следили, чтобы истязаемый не отдал свою черную душу Эмнауру слишком быстро. Чтобы сполна получил за свое преступление, да и другим урок преподавал.

В этом не было ничего особо удивительного. Орден прекрасно понимал, что любой бунт лишь ослабит Инталию, дав лишнюю возможность порадоваться Гурану, а потому тщательно следил, чтобы население относилось к армии как к защитникам, а не как к врагам. Закон был суров – но приносил свои плоды. Солдат Ордена в народе уважали – даже больше, чем рыцарей-светносцев. Тех все же боялись, как-никак маги, от простых смертных невообразимо далекие. Богатые и высокомерные... к тому же именно рыцари сопровождали волшебниц, отбирающих у родителей их детей. В этом тоже был заложен определенный смысл. Нельзя посылать на такое дело солдат, их куда легче разжалобить. Рыцари – дело другое, за время долгого обучения они привыкли воспринимать Орден как свою семью и совершенно уверены, что ребенок, сочтенный достойным обучения, получает великий шанс.

В общем, конец вора и грабителя, если он носит форму Ордена, страшен. И потому мальчишка, шагавший впереди десятника, истекал от ужаса холодным липким потом. Время от времени он спотыкался – и тут же получал очередную затрещину, а то и пинок.

У входа в шатер сидел, вольготно развалившись, часовой. Его обязанностью было не столько охранять рыцаря – что может угрожать светносецу в самом центре военного лагеря

инталийской армии. Нет, солдат берег не тело, но покой командира, отгоняя просителей или иных незваных гостей, желающих прервать его отдых.

– Чего надо? – с ленцой осведомился часовой, оглядев десятника. В сторону юноши лишь стрельнул глазом, не проявив особого интереса.

– Позови капитана.

– Его светлость отдыхает. – Часовой небрежно сплюнул в пыль. Хотя он был всего лишь рядовым, но входил в охрану рыцаря, а потому считал себя несколько выше простого десятника.

– Дело серьезное, – буркнул десятник. – Кража.

– Вот как? – Теперь часовой смотрел на юношу с интересом и даже сочувствием. – Ладно, доложу. Имя-то как?

– Д-димс... – заикаясь, выдавил из себя парень.

– Да не твое, дурак.

– Десятник Тар Легод, двенадцатый год службы, – сухо бросил ветеран.

Часовой кивнул и скрылся за пологом. Через несколько минут из шатра вышел рыцарь. Сейчас он был без доспехов, левая рука висела на перевязи – маги поработали над раной, но надрубленная кость еще не срослась до конца, и руку следовало беречь.

– Ваша светлость. – Десятник коротко поклонился.

– Что произошло? – Рыцарь выглядел недовольным. – Мне сказали, ты, десятник Тар Легод, обвиняешь кого-то в краже? Этого мальчишку? Или он свидетель?

– Нет, ваша светлость, он не свидетель. Вчера я посылал его в деревню, приказал купить кое-что...

Десятник чуть замялся, но рыцарь спокойно кивнул. Провизию войскам подвозили исправно, но никто и не думал запрещать солдатам несколько разнообразить свой стол. Если хотят купить у селян пару окороков, простокваши, вина, если платят исправно и не чинят обид местному населению – пусть.

– Ну так вот, – продолжил десятник, – вернулся он... что сказано было – принес, тут я слова плохого не скажу. Только стал харчи выкладывать, смотрю – а из-за пазухи у него штука занятная выпала. Серебро.

Он сунул руку в мешочек на поясе и извлек оттуда изящной работы серебряный флакон без пробки. На вид вещь была дорогой. Если бы они были на гуранской территории, никто бы не удивился, обнаружив в мешке солдата кое-какие трофеи. Грабить врага не зазорно, даже если речь идет о таких же крестьянах, на беду свою живущих на землях противника. Там военная добыча принадлежала тому, кто первый наложил на нее руку – ну, после необходимых отчислений для офицеров, разумеется.

А здесь был Тимрет – пусть и независимое герцогство, но союзник... благорасположение которого сейчас было особенно важно. И если солдатик и в самом деле посмел запустить лапу в сундук какого-нибудь зажиточного крестьянина, его ждет очень суровое наказание.

– Спрашиваю, где взял – говорит, что нашел. Тьма Эмнаура, серебряные банки не валяются на земле!

– Не валяются, – кивнул офицер и мрачно посмотрел на юношу.

Ему не хотелось доводить дело до казни, армия и так переживает не лучшие времена. Но закон... закон должен соблюдаться, иначе он перестанет быть законом. Если парень виноват – его ждет позорная смерть.

– Что скажешь?

Парень вытер вспотевший лоб и выпрямился под взглядом офицера. Видно было, что он боится и все же старается сохранять некое подобие достоинства.

– Я... я нашел эту банку, ваша светлость. Я правда не воровал. И не отбирал.

– Где ты ее нашел?

Солдат замялся, затем выдавил из себя.

– В колодце.

– Где? – Рыцарь решил, что ослышался.

– Я купил, что приказали... я честно заплатил, ваша светлость, до последней монетки. Потом пошел к колодцу, воды хлебнуть. Жара ведь... ну и смотрю, а там, на дне, блестит что-то. Воды в колодце-то мало... ну, я и полез туда. И нашел эту штуку.

– А хозяйке ты, ясное дело, ни слова не сказал? – хмыкнул рыцарь.

Если парень и в самом деле нашел флакон в колодце, это может послужить смягчающим вину фактом. Придется объявить о находке, и если кто из крестьян заметит у себя пропажу да правильно опишет ее – получит сосуд. Ну а проверить, правду ли говорит солдат, несложно. Сам рыцарь не был достаточно сведущ в магии, чтобы наложить «оковы разума», но найти мага можно. Их мало, они заняты – но помочь не откажутся.

– Дык... кому говорить-то? Колодец тот общий, посреди села.

Рыцарь осуждающе покачал головой. Забраться в общественный колодец... вряд ли это будет расценено как невинная шутка. Что ж, в любом случае придется искать не слишком занятого мага. Если парень и под «оковами» подтвердит, что не украл и не отобрал безделушку силой – будет оправдан и отпущен. Если же нет...

– Свяжите его, – приказал светносец.

Часовой принес веревку, и молодому солдату быстро спутали руки и ноги. Затем усадили в тенечке и даже сунули флягу с водой.

Замок герцога Сивера Тимретского не отличался особыми фортификационными достоинствами, зато был по-настоящему красив. Изящные башенки, сводчатые галереи, большие окна, многочисленные шпили и много-много зелени. Замок, или скорее дворец, располагался на скале, возвышаясь над живописной долиной, к воротам вела извилистая дорога, вырубленная в камне. Множество статуй, вышедших из рук лучших мастеров Эммера, украшали и внутренний двор, и залы, и даже стены замка.

С точки зрения инженерного искусства это сооружение не выдерживало никакой критики. Создавалось впечатление, что хрупкие стены развалятся от первого же булыжника, выпущенного из катапульты. Даже если он будет размером с кулак. Но нынешнего владельца замок вполне устраивал. Как и его многочисленных предшественников.

Это неудивительно – если в Инталии давно не было серьезных войн, то к этим стенам вражеские армии и вовсе подступали в последний раз в незапамятные времена. Со времени правления Иланы Пелид, предоставившей герцогству независимость, битвы обходили эти земли стороной. Как правило, имперские войска стремились к Торнгарту, не рассматривая маленький Тимрет с его столь же маленькими крепостями в качестве серьезного противника.

А потому местные жители полной мерой вкушали радости мирной и спокойной жизни. Герцог не слишком душил своих подданных налогами, не тратился на содержание очень уж большой армии, да и придворных в замке было немного. В былые времена, когда Сивер был молод и горяч, здесь часто проходили пышные турниры, замок наполняли блистательные дамы в роскошных туалетах и благородные воины, хватавшиеся за меч по поводу и без. Лучшие певцы, художники и музыканты приезжали в эти прекрасные стены – и неизменно находили радушный прием.

Но с годами все изменилось. Герцога все меньше и меньше интересовали пышные празднества, турниры и охота. Лучшие кинтарийские вина уже не так горячили кровь, да и женщины все реже вызвали жар в его сердце. Зато он пристрастился к книгам, пылающему камину и тишине. Ему нравился покой.

И потому появление в Тимрете инталийской армии, избитой, окровавленной, лишившейся и рыцарей, и магов, вызвало у герцога искреннее огорчение. Следуя долгу вассала, Сивер

указал орденцам место для лагеря, выделил средства на закупку продовольствия и направил в распоряжение Мирата арДамала всех магов-целителей замка – раненых с отступающими войсками было немало.

Но на этом он был намерен и остановиться.

Когда пришло требование из Обители предоставить отряды солдат в распоряжение Ордена (это было именно требование, хотя и облеченное в безукоризненно вежливую форму), герцог отдал необходимые распоряжения – и шесть сотен ополчения отправились к Долине Смерти, на встречу с основными силами Ингара арХорна. Тем самым вассальный долг был исполнен – по крайней мере сам герцог так считал. Его маленькое государство не могло выставить серьезные силы, не ослабив при этом свои границы. И теперь, когда арДамал явился требовать новых солдат, он не встретил понимания.

– Видите ли, командующий, сейчас в моем распоряжении имеется лишь пара сотен гвардейцев. Этого недостаточно даже для того, чтобы как следует охранять границы. Мои капитаны (в маленькой армии Тимрета не было более высокого воинского чина) вынуждены снять солдат с охраны западных границ, чтобы как следует патрулировать восточные. Согласитесь, командующий, явившись в эти земли, вы подвергли всех нас очень большой опасности.

АрДамал раздраженно пожал плечами. Брюзжание этого старика его невероятно раздражало, тем более что приходилось слушать одно и то же уже в который раз. Герцог ежедневно давал согласие встретиться с командующим армией Инталии для беседы – но эти встречи заканчивались одинаково. АрДамал, скрипя зубами от бешенства, любезно раскланивался со стариком и покидал его уютные покои, а Сивер лишь улыбался, глядя ему вслед.

Вот и сегодняшняя беседа протекала словно по раз и навсегда утвержденному сценарию. И даже тот факт, что Мират пригласил с собой Бетину Верра, не способен был изменить ситуацию.

Первое время девушка восторженно оглядывалась по сторонам. Ей уже довелось побывать в Обители – перед тем, как Ингар арХорн отбыл к армии, он представил ее новому Святителю. Это было признаком высокой оценки ее способностей, далеко не все новоиспеченные мастера удостоивались подобной чести. Торнгарт не слишком понравился Бетине, хотя до этого ей не приходилось бывать в большом городе. А может быть, именно поэтому. Очень много людей, очень много зданий... Торнгарт строился веками, и сейчас представлял собой невероятное смешение различных стилей – рядом со скромными, аскетичными зданиями эпохи Иланы Пелид (больше похожими на укрепленные форты) соседствовали изящные дворцы, построенные в более поздние века. Но стоило сделать несколько шагов в сторону от центральных улиц, широких и светлых, как путник попадал в гущу маленьких домов, иногда ухоженных, чаще – свидетельствующих о бедности своих хозяев. Утомляло и обилие белого цвета, порядком надоевшего Бетине еще в Школе.

Святитель Верлон тоже произвел на девушку двойственное впечатление. Более того, у Бетины он практически с первого же взгляда вызвал некоторую антипатию, и теперь эта антипатия к человеку странным образом смешивалась с уважением к высокому посту, который он занимал. Довольно молодой еще мужчина, с густой шевелюрой слегка тронутых сединой черных волос, хорошо физически развитый и довольно красивый, наверняка должен был пользоваться успехом у женщин. Но его сильно портил вкрадчивый слащавый голос и бегающий взгляд маленьких глаз, не желающих задерживаться на собеседнике. Верлон явно не обладал ни обаянием Аллендера Орфина, ни умением усопшего находить общий язык с людьми. Речь Святителя была пустой и формальной. Ему приятно познакомиться с новым мастером Ордена, он желает мастеру дальнейших успехов на пути совершенствования своих знаний... признаться, она ждала чего-то иного. Ну, хотя бы каплю того душевного тепла, неисчерпаемым источником которого, по определению, является Святитель.

Поэтому столицу молодая волшебница покинула без особого сожаления. А вот Тимрет ее очаровал. Да и этот зал, где их принимал герцог, разительно отличался от наполненных раздражающей белизной палат Святителя. Здесь было уютно, пол укрывал роскошный кинтатрийский ковер, в котором ноги тонули по щиколотку, в огромном камине несмотря на теплый день пылал огонь, гостям были предложены мягкие удобные кресла и напитки. Да и сам герцог поначалу ей весьма понравился – седой мужчина лет шестидесяти, с благородной осанкой, не испорченной годами, и добрым лицом. Чем-то он напомнил ей Орфина...

В том числе и нежеланием принимать серьезные решения. По крайней мере без долгих размышлений и детальной оценки всех, даже самых незначительных обстоятельств.

– Ваша светлость, позвольте сказать. – Бетина, до сей поры не проронившая и слова, кроме обязательного приветствия, решила вмешаться в беседу.

Девушка чувствовала себя немного не в своей тарелке. Еще недавно она была всего лишь рядовым мастером магии – ранг высокий, если сравнивать даже с некоторыми воспитательницами Школы, но не настолько, чтобы обладатель этого ранга мог на равных говорить с правителями. А потом она, неожиданно для себя, оказалась одной из немногих уцелевших магов армии. Получила Золотой клинок Ордена. Стала, по сути, помощником Мирата арДамала, командующего остатками интальских войск. АрДамал никогда не определял ее нынешний статус официально, но все чаще и чаще обращался к ней за советом. Кроме Бетины уцелели еще пятеро мастеров и два магистра. И три десятка адептов – жалкие крохи. На холме, куда пришелся основной удар ледяного дождя, магов выкосило почти подчистую. Выжили лишь те, кто, подобно Бетине, успели вовремя среагировать и накрыться защитными заклинаниями – выжили, хотя мало кто из них отделался лишь царапинами.

Магистрам досталось больше всех. Молодой Торог арЖед, получивший высокий ранг всего лишь за три месяца до битвы, лишился ноги, оторванной потоком ледяных игл, и теперь полностью отрешился от реального мира, сосредоточившись на своем горе. Его можно было понять – талантливый волшебник с блестящим будущим, сильный и красивый, пользующийся успехом у женщин – теперь он стал инвалидом. Магистру Эльме Таан повезло больше – ледяной шип лишь чиркнул ее по голове, сорвав клочок волос вместе с кожей. Женщина лишилась сознания – и пришла в себя уже после окончания битвы. Эльме было уже за сотню лет, она была отличным магом, но не воином. Способности Эльмы более всего проявились в целительстве, и теперь практически все свое время она отдавала лечению многочисленных раненых.

Из выживших мастеров Бетина была, по мнению Ингара арХорна, самой способной. Что до отсутствия опыта ведения переговоров... у арДамала такого опыта тоже было немного. Где-то в глубине души он надеялся, что герцог, легко отказывающий воину, не сможет отказать женщине. Он не давал Бетине никаких инструкций – только кратко изложил результаты предыдущих этапов переговоров.

– Конечно, мастер Верра. – Герцог вежливо кивнул.

– Битва в Долине сильно ударила по Ордену, но наши армии еще не разбиты. – Бетина понимала, что говорит излишне высокопарно, но ничего не могла сделать с этим. Только многолетний дипломатический опыт может дать навыки говорить о серьезных вещах без лишнего пафоса. – Инталию не сломить так просто, и имперские войска скоро это поймут. Торнгарт им не взять, но каждая неделя, проведенная ими у стен Обители, – это дополнительные страдания...

– Девочка, я все это понимаю, – вздохнул герцог, и сочувственные нотки в его голосе были совершенно искренними. – Также я понимаю, что далее вы скажете о той угрозе, которую представляют имперцы для Тимрета. Разумеется, я не думаю, что подавив сопротивление интальских войск, Император отведет свои полки, предоставив нам возможность и далее вести мирный образ жизни. Правда, Его Императорское Величие Унгарт Седьмой может потребовать вассальной присяги.

– Это будет для Тимрета хорошим выходом, – поджала губы Бетина. – Купить свою безопасность ценой... предательства.

– Верно. – Бескровные старческие губы герцога растянулись в улыбке. – Но, девочка, поверьте, слово «честь» для нас – не пустой звук.

– Поверить непросто... – Эта реплика уже далеко выходила за рамки вежливости, и арДамал бросил на волшебницу обеспокоенный взгляд. Хотя герцог и слыл приверженцем достаточно либеральных взглядов, он вполне мог оскорбиться.

Но Сивер лишь покачал головой.

– Если бы вассалы столь легко меняли своих сюзеренов, то сама система вассалитета рухнула бы в одночасье. Тимрет верен Инталии и сделает все что возможно для помощи ей. Но армиями мы не располагаем, и я весьма огорчен тем, что командующий арДамал не верит мне.

– Я верю только тому, что вижу, – мрачно заметил командующий. – Даже по самой скромной оценке, герцогство может выставить три тысячи пехотинцев. Не считая ополчения.

– Возможно, – не стал спорить герцог, впервые отказавшись от привычки заводить старую песню об ослабленной охране границ и беспорядках внутри страны. – Мы и в самом деле можем объявить мобилизацию и собрать кое-какие силы. Но без магической поддержки нам не выстоять против Империи.

Бетина вздрогнула, услышав это «нам». Значит, пассивное сопротивление герцога все же можно преодолеть. Старик прожил долгую жизнь, давно утратив юношеский задор и любовь к риску. Он даст войска, но сделает это лишь тогда, когда будет уверен в успехе. Оговорка насчет вассальной присяги Империи не была случайной – Бетина не сомневалась, что согласись герцог принести клятву Гурану, Император оставит крошечное государство в покое. На время. Но верил ли кто-нибудь в этом зале, что Инталия встанет на колени, что падет Торнгарт? Скорее всего, нет. В истории противостояния двух великих государств не раз бывали моменты, когда одно из них находилось на краю гибели. Но силы всегда были примерно равны, и после того, как обе стороны приходили к выводу о недопустимости дальнейших потерь, баланс сил восстанавливался.

Увы, сейчас все могло измениться. Империя, похоже, всерьез вознамерилась покончить с этой тысячелетней войной – и отнюдь не тысячелетним мирным договором.

– Магическая поддержка... – прошипела она, даже не задумываясь о неуместности подобного тона, – это именно поддержка! Войну выигрывают мечи воинов и мужество их сердец! А вы собираетесь отсиживаться в этом вашем замечательном замке, в окружении этих замечательных кресел и каминов, пока в Торнгарте гибнут люди!

Она говорила и говорила, то произнося пафосные, а потому и не слишком действенные фразы, то срываясь к той тонкой грани, за которой начиналась неприкрытая грубость. Старик слушал, не перебивая, временами даже кивая – словно был согласен с каждым ее словом. Но в его глазах девушка видела... даже не упрямство, нет – скорее убежденность в собственной правоте.

Наконец девушка замолчала, чувствуя, как горит лицо от возбуждения. Она ожидала, что герцог вновь начнет старую песню о недостатке людей, но он вдруг улыбнулся.

– Ваша горячая речь произвела на меня поистине неизгладимое впечатление, мастер Верра. Особенно некоторые ее фрагменты... как это: «отсиживаться в своих долинах, вздрагивая от одного упоминания об Империи». Хм... для большего эффекта я бы добавил «трусливо отсиживаясь». И еще пару эпитетов.

Бетина явственно ощутила, как начали пылать уши. Ей стало стыдно – и в самом деле, что она понимала в вопросах управления государством? Даже маленьким... нет, тем более маленьким. Правитель столь небольшой и, по сути, почти беззащитной перед возможной агрессией со стороны своего много более сильного соседа страны должен обладать талантом находить ком-

промиссы даже в самой безвыходной ситуации. Иначе маленькая страна очень быстро утратит свою независимость, а ее недостаточно изворотливый правитель – свободу. А то и жизнь.

– Простите, – потупилась она.

– Не стоит, – небрежно отмахнулся герцог. – Несмотря на некую излишнюю экспрессию, вы во многом правы, мастер Верра. Но и от моих слов вам отмахиваться не стоит, кому, как не вам, мастер, знать, чего стоит любая армия без хороших магов. Вам необходимо восстановить магический потенциал армии... как я понял из слов уважаемого командующего арДамала, именно таким было задание, данное вам Ингаром арХорном?

– Да, ваша светлость! – вскинула подбородок Бетина. – Я и намерена выполнить поручение.

– Каким же образом вы собираетесь действовать, если не секрет? В Тимрете очень мало волшебников Ордена Несущих Свет, в основном целители. Разумеется, их помощь будет вам предоставлена.

При этих словах герцог чуть заметно усмехнулся. Он прекрасно понимал, что верность орденских магов принадлежит прежде всего Ордену... и лишь потом стране и тем более нанимателю.

– Но этого недостаточно.

– Алый Путь присоединится...

– Я бы не стал на это особо рассчитывать, мастер Верра. Вы ведь изучали историю магических сообществ Эммера? Там, где Орден и Триумвират, не в обиду будет сказано, увлеченно резали друг другу глотки, Альянс Алого Пути старался оставаться в стороне. Я не говорю о том, что их маги не участвовали в битвах – участвовали и показали себя отменными бойцами. Но это были единицы... Альянс никогда не мог похвастаться многочисленностью, а потому ректор Лидберг вряд ли пойдет на то, чтобы объявить свою знаменитую «Алую тревогу».

Бетина попыталась вспомнить то, что рассказывала на своих нудных лекциях Вимма Тиль. Всеобщая мобилизация магов Алого Пути, действительно, была событием необычайно редким – ректор мог пойти на такой шаг лишь в том случае, если опасность угрожала самому существованию Альянса. Девушка не могла не признать – сейчас особой угрозы алым не было. Да, Альянс традиционно поддерживал Несущих Свет, но, в отличие от Ордена, не связывал себя клятвами. И при этом с готовностью оказывал услуги и Империи, и Кинтаре, и Индару – всем, кто готов был платить. И среди алых встречались идеалисты, считавшие Инталию своей родиной и готовые отдать жизнь за ее безопасность. Но таких было немного – даже в давние времена, когда огненные маги представляли собой внушительную силу. С уходом сильнейших – Санкрита альНоора, Тига альЛорса и других, Альянс порядком измельчал, и уже давно не играл сколько-нибудь существенной роли в политике Эммера. Более того, демонстративно к этому не стремился.

И все же... все же алых магов в Инталии было немало.

– Я добьюсь помощи Альянса! – безапелляционно заявила Бетина.

– Что ж, если будешь столь же красноречива – твоя миссия вполне может увенчаться успехом. – Герцог Сивер внимательно посмотрел на девушку, затем перевел взгляд на арДамала. – И если Альянс присоединится к инталийской армии... пусть даже ректор просто выделит вам своих людей, не объявляя свою знаменитую всеобщую мобилизацию, то солдат я вам дам. Всех, кого смогу собрать. А также по меньшей мере четыре тысячи ополченцев. Таково мое решение. А теперь прошу простить меня, мастер Верра, командующий... позвольте на этом закончить. Я уже стар и нуждаюсь в отдыхе несколько чаще, чем опытный воин или молодая девушка.

АрДамал поднялся с кресла и поклонился герцогу. Бетина, прекрасно понимавшая, что переговоры и так принесли неожиданно много, последовала его примеру. Они вышли, оставив герцога одного.

– Ушам своим не верю, – пробурчал арДамал, оказавшись в коридоре. – Поздравляю, мастер Верра, я начинаю думать, что в определенных ситуациях откровенное хамство может оказаться полезным. И все же, Бетина, я бы попросил вас быть немного сдержаннее, далеко не все столь терпимы. Герцог – редкое исключение.

– Простите, командующий.

– Ладно, вы все же победили. Победа еще не окончательная, но существенная. Когда вы намерены отправиться к ректору Лидбергу?

– Думаю, завтра.

Они неспешно шагали по коридору. Бетина с интересом рассматривала многочисленные картины, украшающие стены. Как правило, художники либо изображали батальные сцены, либо запечатляли на холсте мужественные позы герцогов и прекрасные образы герцогинь. Изредка попадались и другие полотна... Великолепно выписанный Тимретский замок – художник, вероятно, поставил себе целью отразить в своем творении все мельчайшие детали этого великолепного сооружения. Несколько прекрасных пейзажей – Бетина неважно разбиралась в живописи, но была уверена, что эти картины – работа большого мастера. На одном из полотен был изображен сам Сивер – в своем любимом кресле у камина с толстой книгой в руках.

Мысленно девушка усмехнулась – да уж, его светлость явно не годится на роль полководца. Даже там, где его предшественники предпочитали видеть себя в великолепных доспехах и с обнаженными мечами, старик остался верен своим привычкам.

АрДамал картинам внимания не уделял. Для него куда более красноречивым был тот факт, что в замке почти не было стражи. Действительно, в этой стране слишком привыкли к мирной жизни. Даже если герцог и в самом деле даст войска, вряд ли стоит сильно уж рассчитывать, что отвыкшие от серьезных дел пограничники справятся там, где потерпели неудачу инталийские гвардейцы.

– Завтра? Хорошо. Путь до Сура неблизкий. С вами поедут два светотносца и двадцать кавалеристов эскорта.

– Командующий, это лишнее...

– Тридцать. И не спорьте, мастер Верра. Это тоже вопрос политический. Эскорт необходим любому человеку, облеченному властью. Эскорт придает посланнику определенный вес в глазах принимающей стороны. Кроме того, я почти уверен, что в поисках продовольствия имперцы разослали отряды по всей округе.

– Хорошо, командующий. – Бетина решила, что спорить бессмысленно. Тем более арДамал совершенно прав. Она должна явиться в Сур как полномочный представитель Ордена. Значит – и со всеми причитающимися регалиями.

Бетине, как и некоторым другим магам и офицерам инталийской армии, были выделены покои в замке герцога, но она предпочла шатер в поле, где разместилась армия. Раненых было немало, и ее помощь была необходима. Как правило, к вечеру девушка выматывалась настолько, что засыпала, едва прикоснувшись щекой к подушке. Зато она ощущала, как совершенствуется ее мастерство – ничто так не способствует росту опыта, как ежедневные длительные упражнения.

Сегодняшний поход к герцогу стал настоящим отдыхом, но теперь следовало вернуться к раненым. Бетине вдруг подумалось, что сегодня лекари могли бы обойтись и без нее – за последнее время в лагерь прибыло почти три десятка целителей из Тимрета и Западной Инталии. Что, если пойти и как следует выспаться? Заманчиво...

Уже подходя к шатру, девушка поняла, что выспаться не удастся. Возле шатра неспешно прохаживался рыцарь-светоносец с рукой на перевязи. Судя по выражению его лица, в помощи целителя он не нуждался – значит, причина его визита была в ином.

– Мастер Верра, – рыцарь несколько неуклюже поклонился, – я Керид арВец. Могу я просить вас уделить мне немного времени?

– Да, разумеется. Кому-то из ваших людей нужна помощь целителя? Или вам самому?

– Нет, мастер Верра, моя рана уже почти не беспокоит меня, а мои люди не обойдены вниманием лекарей. Дело в другом. Один из солдат подозревается в краже. Он не признает свою вину, к тому же есть некоторые моменты... необходим допрос с применением «оков разума».

– Зачем столь серьезные меры?

– Если вина подтвердится, солдат будет казнен. – Голос рыцаря звучал жестко. – Ворам и мародерам не место в армии Инталии.

Вздыхнув, Бетина смирилась с неизбежным.

– Хорошо, Керид. Расскажите, в чем его обвиняют? Я должна знать, какие вопросы задавать.

Рыцарь коротко обрисовал ситуацию. Волшебница нахмурилась.

– Подождите, Керид. Создавать «оковы» долго, и я хочу разобраться, действительно ли это необходимо. Значит, говорите, он нашел серебряный сосуд на дне колодца?

– По его словам, мастер Верра.

– Флакон был закрыт, когда солдат достал его из воды?

Рыцарь пожал плечами:

– Я не спрашивал. Но десятник, что выдвинул обвинение, показал мне уже открытый флакон.

Волшебница задумалась. Конечно, всегда оставалась некоторая вероятность того, что кто-то уронил флакон в колодец, а потом то ли не заметил этого, то ли поленился лезть за своим имуществом в холодную воду. И все же на душе было неспокойно.

– Керид, давайте отложим допрос на некоторое время. Пошлите кого-нибудь из солдат, мне нужна вода из этого колодца. И поставьте у колодца охрану, некоторое время местным жителям придется брать воду где-нибудь в другом месте.

– Будут недовольные... – хмыкнул рыцарь, но Бетина нахмурилась и сухо бросила:

– Это приказ, Керид арВец. И до тех пор, пока я не дам разрешения, ни один человек не должен пройти мимо охраны.

Рыцарь вспыхнул и лишь огромным усилием воли заставил себя сдержаться. Он не привык получать приказы от соплячек, едва покинувших стены Школы... даже если им за какие-то заслуги, действительные или мнимые, присвоен ранг мастера. Но статус этой девчонки был достаточно высок – по сути, сейчас она являлась советником командующего, и с этим приходилось считаться.

– Будет исполнено, мастер Верра. – Его голос был подчеркнуто сух. – Пост будет выставлен немедленно, воду из колодца вам доставят.

Четко, как на плацу, повернувшись, он удалился отдавать распоряжения. Бетина смотрела ему вслед, думая, не ошиблась ли. Если все ее предположения останутся лишь глупыми фантазиями – над ней будет смеяться половина лагеря. А уж этот строптивый рыцарь позаботится, чтобы каждый знал о провале невесты что возмнившей о себе волшебницы.

Воду доставили через час. Керид арВец в полной мере проявил свою стервозность, более подобающую женщине, – поскольку в приказе мастера Верры не звучало «быстро», он и не торопился – ровно настолько, чтобы это не было воспринято как намеренное игнорирование приказа. К этому моменту уже были извлечены из сундуков многочисленные скляночки и коробочки с эссенциями, сухими травами, порошками из драгоценных и обычных камней, молотыми кореньями и прочими инструментами травницы. Когда у входа в палатку раздалось покашливание гонца, девушка как раз заканчивала набрасывать длинный список ингредиен-

тов – ее запасы, рассчитанные на обычные потребности армейского целителя, были довольно скудными.

– Войдите, – бросила она.

– Мастер, я принес воду. – Молодой солдат держал в руке небольшое деревянное ведро. – Этого хватит?

– Вполне. – Она забрала ведро и поставила его на низкий столик. – Теперь пойдешь... побежишь в замок, передашь вот этот список герцогскому лекарю. Скажешь, что мне срочно нужны эти... снадобья. Дождешься – и бегом обратно. Понял?

– Э-э... госпожа мастер, – солдат помялся, – не уверен, что меня пустят в замок.

Бетина на мгновение задумалась. Да, парень прав, если наличие у герцога стражи и не бросается в глаза, то это не означает, что ее нет. Еще одна проблема.

– Хорошо, найди рыцаря арВеца, передай ему мою просьбу. Вернее мой приказ. И еще скажи, что это срочно.

Солдат покинул палатку, а Бетина принялась разливать воду в небольшие стеклянные чашки. Затем приступила к экспериментам, добавляя к содержимому посуды различные компоненты – иногда просто щепотью, иногда тщательно отбирая ингредиенты и смешивая их друг с другом в строго определенной пропорции, прежде чем высыпать в воду. Время от времени, не доверяя своей памяти, она листала страницы толстой книги. Справочник такого рода целители редко возили с собой, в большинстве случаев хватало простейших отваров или магии, но в военном походе никогда нельзя знать заранее, что понадобится для лечения. Человеческая память иногда может сыграть жестокую шутку, а отвар, содержащий неправильно подобранные порошки, легко превращался из лекарства в отраву.

Немалая часть книги была посвящена ядам, хотя в эти разделы целители заглядывали нечасто. Времена, когда искусство отравления достигло своего расцвета, давно прошли. Жены, мечтающие спровадить на тот свет опостылевших мужей, дети, ради наследства ускорявшие уход родителей в лучший мир, – все это время от времени случалось, но отравители редко пользовались по-настоящему сложными составами. Простые средства, вроде выжимки корня златки или настоя на цветах красногнева, были доступны каждому желающему. Яд получался не слишком сильный, но вполне эффективный – если помощь не поспевала вовремя. Богатые люди предпочитали держать при себе слуг, пробующих еду и напитки до того, как к ним прикоснется господин. Поэтому смертельные снадобья, действующие мгновенно, практически исключались... а если эффект наступал по прошествии времени, то его легко было устранить простым магическим исцелением. Куда проще нанять пару искателей легкой наживы, которые в темном переулке перережут недругу горло, чем пытаться извести оппонента с помощью хитроумно подобранного зелья.

Бетина знала о ядах не больше, чем другие выпускники Школы – то есть необходимый минимум. И сейчас проклинала себя за то, что не уделяла достаточно внимания изучению редких составов, особенно кинтарийских – южане слыли истинными ценителями сложных и дорогих снадобий. И таких, что придают возлюбленным особое очарование, и иных, способных быстро отправить надоевшую пассию на встречу с Эмиалом. Вероятно, это пристрастие было связано с некоторой предубежденностью кинтарийцев по отношению к магам – представителей Ордена, Альянса и Триумvirата в Кинте Северном и его окрестностях встречали без особой приязни. Хотя торговле это ни в коей мере не мешало.

– Допустим, во флаконе действительно был яд. – Бетина, практически лишенная подруг, предпочитала беседы с самой собой. Слова, произнесенные вслух, позволяли быстрее все разложить по полочкам и сделать правильные выводы. – Прежде всего токсин должен быть эффективен в малых дозах. В очень малых – иначе его лучше было бы вылить в котел с кашей. Или в бочку с элем. Две трети составов можно отбросить сразу. И те, которым требуется попадание в кровь, тоже. Смерть не должна наступать мгновенно – первый же труп у колодца, и все станет

ясно. Стало быть, все препараты на основе синего корня или разлучника – долой. Щир? Его действие проявляется не сразу...

Она полистала книгу, нашла нужный раздел, пробежала глазами по строкам.

– Нет, эта дрянь в воде не растворяется... тоже не подходит.

Она взглянула в крайнюю плошку, убедилась, что сушеный цветок не собирается превращаться в черные хлопья, и мысленно вычеркнула еще несколько названий из длинного списка. В книге содержались сведения о пяти сотнях различных ядов, и пока что этот список удалось сократить едва на треть.

Девушка выплеснула воду в таз и снова наполнила чашу. Затем проверила остальные пиалки – ни в одной не наблюдалось нужной реакции. Значит, еще несколько предположений не оправдались. Содержимое пиал отправилось в тазик.

– Ах, да! – Она покраснела. – Как же я могла забыть... серебряный флакон! Для чего используют серебро там, где хватило бы обычной стекляшки. Которую, кстати, никто в воде не разглядывал бы. Значит, эту гадость нужно хранить в серебре.

Бетина снова принялась лихорадочно перелистывать страницы. Список подходящих рецептов стремительно сокращался, но вариантов все еще оставалось предостаточно. Около двух десятков. Пока что она определила самое главное – если во флаконе был яд, то это наверняка один из составов на основе «тигриного глаза». Редкий полупрозрачный камень, желтый с красными искорками, изредка находили в Выжженной Пустоши, что разделяла Кинтару и Гуранскую Империю. Камень перетирали в пудру, а затем делали на ее основе весьма экзотические настойки – и продававшиеся, между прочим, по не менее экзотическим ценам. Они сильно различались по внешнему виду, вкусу, запаху, но одна общая черта присутствовала неизменно – свежеприготовленный состав очень быстро распадался на безобидные составляющие. Трое-четверо суток – и смертельный токсин превращается в легкое слабительное. Лекарство от запора по цене от полусотни золотых солнц за крошечный флакончик.

Если только не поместить зелье в серебряный сосуд. Там состав мог храниться практически вечно.

Теперь оставалось самое сложное – определить, какой именно из «тигроглазов» мог содержаться во флаконе. Действие всех ядов этой группы тоже было одинаковым – люди слабели, тело покрывалось гнойными язвами, затем несколько дней выворачивающей наизнанку рвоты – и смерть. Лечение возможно только до появления язв – как только на коже отравленного появлялся первый нарыв, милосерднее было перерезать ему горло.

Любая сельская знахарка, обученная грамоте, без труда приготовила бы противоядие – просто аккуратно следуя записям в справочнике. При одном условии – если точно знала, какой именно вариант яда использован. Малейшая ошибка – и пациент умирал. Очень неприятно умирал. Маг, знакомый с заклинанием «исцеление», мог остановить течение болезни – правда, затратив немало сил. Но маг не всегда оказывался поблизости, а начальный период болезни был не слишком длинен, три-четыре дня, реже пять.

Если во флаконе действительно был «тигриный глаз» – очень скоро появятся первые заболевшие. К сожалению, нельзя было наготовить несколько чанов целебного отвара и напоить каждого солдата и каждого жителя села – человека, не имевшего контакта с отравой, лекарство с гарантией убивало.

– Итак, – прошептала Бетина, – сначала определяем вид зелья. Затем готовим лекарство... и ждем первых заболевших. Плохо, очень плохо.

Снаружи послышались тяжелые шаги, полог шатра отлетел в сторону.

– Мастер Верра, я хотел бы услышать объяснения.

Девушка оторвала взгляд от книги и уставилась на арДамала. Похоже, тот пребывал в преотвратном настроении и искал ссоры.

– Что случилось, командующий?

– Это я бы хотел узнать, в чем дело, мастер Верра. Солдаты запрещают людям подходить к колодцу, ссылаясь на ваш приказ. Кое-кто утолил жажду вином, затем попытался получить воду силой. Теперь мы имеем два трупа, пятерых раненых и очень, очень много злобы по отношению к инталийским воинам. Не думаю, чтобы это отвечало интересам Ордена.

– Я...

– Кроме того, мне не нравится, когда моими солдатами командует женщина. Даже если это мастер Ордена. Тем более если это мастер Ордена. Вы должны понимать, Бетина, что в армии существует определенный порядок отдачи приказов. В бою возможно всякое, и простой солдат может принять на себя командование десятком или даже сотней. Но после боя этот солдат снова станет просто солдатом – или же, если его сочтут достойным, станет десятником. И будет отдавать приказы по праву. Десятники подчиняются сотникам, те – офицерам. В этой цепи нет магов, Бетина.

– Но...

– И поэтому, когда женщина отдает приказы солдатам, она тем самым нарушает привычный для них порядок вещей. Поэтому я хочу услышать, чем вызвано такое...

– Да замолчите вы или нет, Мират! – взорвалась Бетина. – Какие, к Эмнауру, объяснения? Вы же мне слова сказать не даете!

Видимо, в глазах взбешенной девушки командующий прочитал нечто такое, что порядком умиротворило его пыл. Он тяжело опустился на раскладной стул и мрачно уставился на волшебницу.

– Итак?

– Я подозреваю, что колодец отравлен. Думаю, это один из ядов «тигриного глаза». Точнее смогу сказать часа через два, нужно проверить. Я бы предположила, что это дело рук имперцев. – Она подкинула на ладони серебряный флакон. – Это нашли в колодце. Дорогая вещица, чистое серебро. Вы еще не забыли курс лекций о ядах, командующий?

Некоторое время арДамал молчал, затем качнул головой.

– Нет, этого не может быть. Ни один полководец не опустится до подобной подлости. Ни один воин не согласится выполнить подобный приказ. Это недостойно.

– Воин, быть может, и не согласится, – вздохнула Бетина. – Но вряд ли сложно найти исполнителя... заплатить, заставить, зачаровать. Среди Триумвирата или Ночного Братства тоже немало фанатиков. Если уж нашлась тварь, выпустившая демона, то такую мелочь, как отравленный колодец, имперцы и вовсе не сочтут преступлением.

– Но ты ведь не уверена, что там яд?

– Не уверена, – не стала спорить девушка. Затем криво усмехнулась: – Но если я все же права... боюсь, ситуация намного хуже. Если отравили один колодец – могли отравить и другие.

– Позвольте войти, госпожа мастер? – В палатку заглянул солдат.

– Да, – встрепелась Бетина, – да, конечно. Принес?

Солдат протянул девушке объемный короб, наполненный склянками и мешочками. Судя по объему посылки, герцогский лекарь проявил немалую щедрость. Она даже улыбнулась – впрочем, улыбка скоро увяла. Волшебница развернула список, ею же написанный, и присвистнула. Против каждой записи стояли цифры, внизу был подведен итог. Весьма впечатляющий.

Она внимательно пробежала глазами по списку. Быть может, главный целитель Тимрета и был сволочьей (иначе как объяснить попытку получить деньги за лекарства для армии, защищающей в том числе и герцогство), но сволочьей честной. Ни одна цифра не превышала рыночной цены препарата...

Девушка сунула листок арДамалу.

– Командующий, вы ведь уладите этот вопрос?

Его ответ Бетину не интересовал. Разумеется, уладит. В ее кошельке позвякивала жалкая горстка серебряшей, среди которых затерялась пара золотых солнц. Лейра Лон вручила девушке несколько монет перед отъездом из Школы, заявив, что эти деньги – награда за успешно выдержанный экзамен. Бетина поверила, хотя сумма показалась ей огромной. Хватило на покупку симпатичной смирной кобылки, пары нарядов и изрядного количества милых женскому сердцу мелочей... в результате этого похода по лавкам от первоначального капитала осталось не так уж и много.

Впрочем, даже если она не истратила ни серебряша, денег не хватило бы даже на то, чтобы оплатить десятую часть счета.

Бетина приступила к экспериментам. АрДамал молча наблюдал за ней, одновременно пытаясь восстановить в памяти давно забытые лекции по определению ядов. Детали ускользали, но в целом он понимал, чем занята девушка. Установить наличие в воде «тигриного глаза» – полдела, хотя и это непросто. Настоящая работа начнется позже – когда придет пора определять, какой именно состав был использован. Вот в этом молодой волшебнице понадобится все ее мастерство.

Тщательно смешав в мензурке по паре капель из десятка различных флаконов, Бетина вылила полученную смесь в очередную чашу с водой. Жидкость тут же осела на дно жирными черными хлопьями...

– Ну вот, – в голосе волшебницы звучала тоска, – я оказалась права. Ох, Эмиал, как бы хотелось ошибиться.

АрДамал отложил в сторону справочник, который листал последние несколько минут.

– Все-таки «тигриный глаз»?

– Он самый...

Командующий снова уткнулся в книгу, затем поднял глаза на девушку.

– Бетина, вы ведь уже отравлены, не так ли?

– Конечно. – Ее голос звучал совершенно спокойно. – Яд легко проникает через кожу. Судя по скорости свертывания раствора, доза смертельна. Враг не стал выливать эту гадость в пруд, концентрация оказалась бы слишком низкой... а вот на колодец вполне хватило.

– Вы сможете вылечить себя?

– Разумеется, – равнодушно пожала плечами девушка. – Это несложно. Но мне даже страшно подумать, сколько наших людей скоро ощутят первые признаки отравления. Яд все еще в воде, значит, флакон вскрыли не более трех дней тому назад. Простите меня, командующий, но сейчас мне нужно сосредоточиться. А вы... буду признательна, если вы отдадите приказ как следует осмотреть остальные колодцы в селе.

АрДамал кивнул и, отложив книгу, вышел. Он думал о том, что сегодня жаркий день, очень жаркий и безветренный. В такой день весьма приятно выпить ковш ледяной, ломящей зубы воды. И никто, стоя рядом с колодцем, не откажет себе в этом удовольствии. Вот и он не отказал... всего лишь два часа назад.

Но скоро эти мысли уступили место другим. Мират попытался поставить себя на место того негодяя, который принес отраву в село. Чего хотел достичь враг? Отравить всю инталийскую армию? Это так, но совершенно очевидно, что при появлении первых же симптомов маги разберутся, в чем дело, и смертей будет не так уж много. Что бы сделал он, дабы причинить наибольший ущерб?

Почему отравлен колодец в селе? Армия берет воду в реке, хотя до нее много дальше. Колодец вычерпали бы до дна за час...

Внезапно арДамал замер. Да... в этом суть. Сначала яд должен попасть в солдатские котлы – немного. Сотни заболевших будет вполне достаточно. А потом смерть должна прийти к мирным селянам. Несколько продуманных слов, брошенных в нужном месте – и скоро каждый в Тимрете будет вопить о том, что орденцы принесли с собой смертельную болезнь. А

заявления магов, что это-де происки гуранцев, что это редкий яд, а никакая не болезнь, останутся гласом вопиющего в пустыне. Несколько дней, десяток смертей – и Тимрет окажется под угрозой бунта. Вряд ли в этом случае можно будет рассчитывать на серьезную помощь герцогства в предстоящих сражениях.

Похоже, парень, полезший в колодец за серебряной вещицей, изрядно спутал гуранцам карты. Яд выявлен по меньшей мере на три дня раньше, чем это планировалось врагом и, следовательно, есть время принять меры. Предстояло сделать многое... разослать солдат за образцами воды из всех колодцев в этом селе... а заодно и в ближайших окрестностях. И в замке. Организовать подвоз незараженной воды из реки в село. Собрать со всей округи целителей – Бетине не удастся приготовить достаточное количество лекарства, даже если она будет работать круглыми сутками. Устроить посты – если отравители проникли в лагерь один раз, они могут попытаться сделать это повторно. Предупредить герцога... этот разговор, пожалуй, будет не самым приятным.

Разлом изменил единственный континент Эммера до неузнаваемости, центральная и южная часть и без того небольшого материка погрузилась в океан, уцелели лишь северные земли, но и им порядком досталось. Люди, обитавшие в этих краях, большей частью выжили – в основном потому, что, сплотившись перед катастрофой, помогали друг другу. И лишь потом, когда отступило море и перестала трястись земля, появились внутренние разногласия, приведшие к разделению уцелевшего клочка суши на два государства. Инталию и Гуран. Относительно небольшой Индар и совсем крошечный Тимрет появились много позже.

Кинтара, отделенная от своих могучих соседей труднопроходимой Выжженной Пустошью, упорно цеплялась за старые традиции, даже в мелочах – в одежде, в манере вести себя... и язык сохранила почти неизменным со времен до Разлома. Индар, в отличие от южан, свои традиции придумал сам – вернее, их придумал человек, впоследствии ставший первым Комтуром. Он же возвел эти традиции в ранг закона – и каждый, принимая титул Комтура, следил за тем, чтобы в своде индарских законов не менялась ни одна буква. Текли века... укрывшийся за горными хребтами Индар и отгородившаяся от остального мира смертельно опасной пустыней Кинтара менялись мало... или, можно сказать, не менялись вообще.

Совсем иное дело – Инталия и Гуран. Границы были проведены многие века тому назад, и с тех пор практически не изменялись. Но оба государства претендовали на звание сильнейшего, оба верили, что лишь их система ценностей правильная. А потому все больше и больше отдалялись друг от друга. Люди по-разному строили дома и по-разному одевались. У них появились разные привычки, разные праздники... Прошло не более пятисот лет – и даже язык, некогда общий, изменился настолько, что имперец и инталиец не могли понять друг друга.

И только одно осталось неизменным.

Эта таверна являлась единственной достопримечательностью Клитты, небольшого села в десяти часах пути западнее Брона. Если не считать достопримечательностью неизменный храм Эмнаура – но черные храмы были одинаковы, где бы ни располагались, отличаясь лишь размерами. «Меч Императора» – слишком броское название для столь захудалого местечка, но если верить хозяину, чьи предки встречали здесь гостей уже лет триста, некогда здесь угощали самого Императора. И угощали столь хорошо, что Его Величество Тирен Пятый подарил хозяину таверны свой меч – как знак своего расположения. Каждый раз, пересказывая эту историю, хозяин отвечивал глубокий поклон висевшему на стене мечу.

Базил слышал историю об императорском мече уже раз двадцать, и уже после третьего раза она ему смертельно надоела. Но здесь всегда было отменное пиво. Пожалуй, лучшее можно было найти в Броне – но совсем, совсем по другой цене. И еще Базилу почему-то нравилась именно эта таверна – хотя она мало чем отличалась от множества других – и в Гуране, и

в Инталии. А если поехать в Индар, то разница будет лишь в том, что вместо глиняных кружек пиво подадут в оловянных. А в Кинтаре предпочитают стекло.

Мужчина сидел в пустом зале уже несколько часов. Ему было лет сорок – обветренное лицо, тонкий шрам, пересекающий щеку, серебрищиеся сединой волосы. Судя по одежде, это был охотник – из тех, кто охотится на двуногую дичь. Время от времени возникала необходимость найти преступника, поймать беглеца – и за это неплохо платили. Некоторые жены желали получить информацию об интрижках своих мужей, в свою очередь всегда находились мужчины, готовые расстаться с некоторой суммой в обмен на информацию о том, с кем именно их супруги наставляют им рога. Перепадала и другая подобная работенка.

Но этот охотник, похоже, давно не заключал контракта. Одежда выглядела порядком потертой, и горстка меди, что уже отправилась в денежный ящик трактирщика, явно была последней. Если разобраться, выпитое за вечер пиво стоило несколько больше, чем десяток медных монет – но мужчину здесь знали и делали ему некое послабление. До определенных пределов.

– Эй, хозяин, еще пива. И мяса.

– Базил, а платить ты собираешься, или снова начнешь старую песню о долгах, которые тебе вот-вот отдадут? – Хозяин даже не шевельнулся.

– Сегодня я спою другую песню, – хмыкнул охотник, ничуть не обидевшись. – Я жду приятеля, он скоро подойдет. Он и заплатит. Сполна.

Трактирщик задумчиво поскреб подбородок.

– А если твой друг не придет?

– Клавес, скажи, я хоть раз не оплачивал счета?

Хозяин сунул руку под прилавок и безошибочно выдернул оттуда несколько листов.

– Та-ак... в прошлом году ты жил у меня три дня, счет составил пять молний и на пол-молнии меди. Смылся через окно.

– Я же оплатил! – несколько театрально оскорбился охотник.

– Да... спустя шесть недель. Так, вот тут еще... это было в канун Дня Огненного Неба... ты с приятелем дул пиво всю ночь, а потом раз – и нету Базила. Ты любишь уходить не прощаясь.

Охотник явно смутился.

– Я думал, что он рассчитался.

– Вероятно, он так же думал о тебе. Не забудь, ты должен мне две молнии.

– Клавес, я отдам. Эмнауром клянусь, отдам все до последней медяшки. Сегодня.

– Ладно, – внезапно смягчился хозяин. – Эльга, налей ему еще пива и тарелку жаркого дай.

Подобная щедрость, обычно трактирщикам не свойственная, имела вполне объяснимые истоки. Шла война, мужиков в селах осталось всего ничего, бабы в таверну не ходят. Прибытка почти что и нет, одни расходы на свечи да на дрова для печи. Пусть уж в долг – Базил и в самом деле имеет богоугодную привычку гасить старые долги. Хоть и не сразу.

Служанка поставила перед охотником исходящую ароматным паром миску (не поспешила, понимая, что хозяин благоволит этому клиенту), принесла и пиво, украшенное белой пенной шапкой. Базил с наслаждением сделал долгий глоток, затем вынул из-за голенища сапога ложку, старательно обтер ее чистой тряпицей и принялся есть – неспешно, растягивая удовольствие. Кто его знает, может, и не совсем лживы все эти байки насчет Императора Тирена и его меча. Готовили здесь и в самом деле отменно.

Дверь таверны распахнулась, и на пороге появился посетитель. Невысокий кряжистый мужчина в одежде в меру дорогой, в меру поношенной. На поясе – длинный тонкий меч, оружие, редко используемое в армии, зато весьма популярное среди дворян, требующее не столько силы, сколько ловкости и быстроты. Не слишком подходящий клинок для такого здоровяка.

Окинув взглядом полутемный зал, гость уверенно направился к сидящему в самом дальнем углу Базилу. Тот уже вставал навстречу, явно намереваясь склониться в поклоне – и замер, повинаясь чуть заметному движению ладони. Затем повернулся к трактирщику, который с явным интересом наблюдал за этой сценой.

– Клавес, задняя комната свободна?

– Сейчас все свободно, – хмыкнул хозяин. – Вы и ваш друг желаете пройти туда?

– Да. И пусть принесут еще пива.

– М-м... я, может, и стар, но на память не жалуюсь. Ты что-то говорил о деньгах?

Кряжистый достал из кармана небольшой мешочек и бросил его Базилу. Тот подхватил кошель на лету, подошел к стойке и неспешно выложил на потемневшее дерево четыре серебряных монеты.

– Этого достаточно?

Трактирщик смахнул деньги в ладонь, задумчиво посмотрел на чеканный зигзаг молнии.

– Ты ведь еще зайдешь ко мне, Базил?

– До тех пор, пока здесь подают хорошее пиво, я постараюсь не забыть сюда дорогу.

– В таком случае гони еще три монеты, Базил. Все равно ведь в следующий раз на мели будешь.

На стойку легли еще три серебряных диска.

– Другое дело. – Хозяин расплылся в довольной улыбке. – Комната открыта, проходите туда. Эльга сейчас принесет пива. Ваш друг желает что-то еще?

Базил обернулся, поймал взгляд своего молчаливого приятеля, затем отрицательно качнул головой.

– Нет, только пиво. И твоей знаменитой вяленой рыбы. И еще, Клавес, нам с приятелем надо поговорить наедине. Проследи, чтобы нас не тревожили.

– Будь спокоен. – Трактирщик толкнул к охотнику массивный ключ. – Можете закрыться изнутри.

Служанка принесла пиво, сразу четыре кружки, и две тарелки с сочной, истекающей жирком вяленой рыбкой. Окинула молчаливого посетителя заинтересованным взглядом – такая одежда в сочетании с дворянским оружием могла свидетельствовать о том, что в таверну зашел кто-то из благородных, желающий (но не слишком умеющий) сохранить инкогнито. Тот мрачно посмотрел в ответ, и Эльга тут же поняла, что лучше не проявлять излишнего интереса к гостю.

А трактирщик со скучающим видом направился в другую комнатку – там он обычно отдыхал в те периоды, когда поток гостей спадал. Учítывая, что единственные за вечер платежеспособные клиенты только что уединились, потребовав не мешать им, желание хозяина отдохнуть было вполне естественным. Но отдых Клавес понимал по-своему. Он подошел к стене, извлек пробочку, затыкавшую отверстие в стене, и прижался к нему ухом, подумав с огорчением, что так и не собрался провернуть дырочки для глаз. Неудобно получалось – либо слушать, либо смотреть.

– Мое почтение, господин. – Охотник все же согнулся в почтительном поклоне, как только повернул ключ в замке.

– Рад видеть тебя, Базил.

Кряжистая фигура стремительно изменялась, бородатое лицо, широкие плечи, всклоченные волосы – все это плыло, таяло, менялось. Человек стал выше и стройнее. Он был не старше или немногим старше сорока лет. Щеку пересекал тонкий шрам. Изменился и его костюм – теперь это был элегантный камзол из черной кожи, безупречно сидящий на светлом волосом мужчине.

Базил встречался с Консулом Тайной стражи раза три, не больше. Что поделаться, в его руки не так часто попадала информация, представлявшая интерес для самого Ангера Блайта. Но даже три встречи – это было очень много для обычного полевого агента. Тайная стража наводнила своими людьми весь Гуран, и если бы каждый слухач являлся с докладами «на самый верх», то Ангеру пришлось бы вести прием целыми сутками, не давая себе ни минуты отдыха.

Может, именно поэтому Базил и не удивился, когда получил лично ему адресованный приказ от самого Консула. Значит, его усилия были замечены, и кто знает, быть может, это задание – первый шаг на пути от простого охотника к полноправному воину этой привилегированной организации. Если, конечно, дело будет сделано как следует. И вряд ли работа будет простой, раз местом встречи избран не кабинет в здании Тайной стражи в Броне, а пустая таверна в маленьком селе.

– Базил, перейдем сразу к делу, у меня мало времени. – Блайт опустил на скамью, жестом приказывая охотнику последовать своему примеру. – Надеюсь, я не должен объяснять, что тебя ждет, если кто-то узнает о нашем разговоре?

– Я буду нем как могила, Консул.

– Надеюсь. Скажи, ты слышал о вызове демона?

– Кто ж об этом не слышал, – поморщился охотник. – Надеюсь, это сучье семя поймали?

– Поймали, конечно. Дело в том, что этот человек мне нужен. Целым и невредимым. Его должны казнить в Броне на следующей неделе. Через пять дней конвой доставит его в столицу. Конвой должен быть перехвачен, пленник освобожден.

Один за другим на стол легли тяжелые мешочки.

– Здесь золото. Наймешь людей. Охрана будет большой, человек тридцать и по меньшей мере двое магов. Поэтому силой увести этого человека – его, кстати, зовут Алкет Гард – не получится. Но конвой прибудет сюда ночью и останется до утра. Стража неизбежно расслабится – здесь имперские земли, да и до Брона рукой подать.

Охотник задумался. Найти десяток надежных людей достаточно просто – особенно если им щедро заплатить. Но десяток искателей приключений – мясо под мечами имперских солдат. Нет сомнений, что для этого конвоя выберут лучших. Значит, или придется действовать тихо, или людей понадобится много больше. Только вот маги...

– После того как вытащите Гарда, отправляйтесь в Пригорье.

На стол лег небольшой лист пергамента. Базил поднес его к глазам – лампы на стенах давали немного света, но сюда приходили не читать, а есть и пить. И еще – беседовать.

Карта была достаточно схематичной, но на помощь пришел опыт – охотнику приходилось бывать в тех местах.

– Я знаю это место.

– Здесь находится охотничья хижина. – Палец Консула ткнул в едва заметную в полумраке точку чуть севернее Пригорья. – Там отсидитесь. Это земли Индара, и туда погоня не пойдет, даже если и выйдет на ваш след. А я позабочусь, чтобы поиски шли в других направлениях. Когда будет нужно – к вам придут. И повторяю, Базил, о том, что приказ исходит от меня, никто не должен узнать. Никто. Кроме разве что тех, кому ты безусловно доверяешь.

Он некоторое время помолчал.

– К сожалению, магическую поддержку обеспечить не смогу. Разве что тебе удастся найти какого-нибудь наемника-мага. Запомни главное – Гард нужен мне живым. Человек, который сумел вызвать демона, может очень, очень пригодиться.

Консул поднялся и направился к двери, так и не притронувшись к пиву. Уже повернув ключ в замке, он обернулся. Его тело снова стремительно менялось, принимая прежний облик широкоплечего черноволосого мужчины.

– Сделай все как надо, Базил, и ты узнаешь, какой может быть моя благодарность. Провали задание – узнаешь мой гнев. Не разочаруй меня.

– Я сделаю все, что в человеческих силах, мой господин, – склонил голову охотник.

Дверь за Консулом закрылась, а охотник еще долго сидел у стола, тупо разглядывая кошельки с золотом. Он думал о том, что всемогущий Консул начинает какую-то свою игру – против тех, кто отдал приказ казнить преступника, вызвавшего в этот мир демона. А кто именно отдал приказ – догадаться несложно. Либо верховный жрец, либо сам Император.

Каждому известно, что, волей или неволей попав в игры великих, можно либо возвыситься, либо погибнуть. Что же теперь делать? Выполнять приказ Консула или попытаться донести на него? В первом случае был шанс получить немалую награду – поговаривали, что скупостью Ангер Блайт не страдает и за хорошо сделанную работу платит щедро. Во втором... во втором случае награда тоже возможна – и заодно он наживет себе смертельного врага.

Базил думал, какой выбор сделать.

И не знал, что выбора у него нет.

Приземистый бородатый мужчина неторопливо шагал по лесу, и с каждым шагом исчезала наложенная личина, таял тщательно исполненный «фантом». Только сейчас из-под мясистого обветренного лица проступал совсем иной человек... сухая пергаментная кожа, глубокие морщины, бесцветные тонкие губы. Исчез меч, сменившись легкой тростью с резным набалдашником, изменилась походка – из упругой превратилась в шаркающую, старческую.

Неподалеку ждала карета всего лишь с одним кучером. Ни слуг, ни охраны. Этот человек не нуждался в защите. А кучер... что ж, он служил долго, он видел слишком много. Рано или поздно это все равно должно было случиться.

Глава 2

– Триумвират всегда славился своим искусством плести интриги. Их мастерство в этом вопросе достойно всяческого уважения.

Почему сегодня Дрогану захотелось поговорить о магических сообществах Эммера? Я как-то заметил, что истоки войны кроются не столько в вечном соперничестве двух великих государств, сколько в тысячелетнем противостоянии жрецов Эмиала и Эмнаура. Это его задело... Разумеется, будучи инталийцем, Леердел с преувеличенным уважением относится к Ордену Несущих Свет и традиционно демонстрирует ненависть по отношению к Триумвирату.

В этом и заключается главная проблема Эммера. Люди ненавидят тех, кто живет по ту сторону гор, не за что-то конкретное, а просто потому что здесь так принято.

– А Ночное Братство?

Я пожал плечами. Всегда считал, что эти убийцы не заслуживают ничего, кроме презрения.

– Они никогда не играли сколько-нибудь значительной роли. Братьев не так уж много, да и сильные маги среди них встречаются редко.

– И все-таки я тебя не понимаю. – Я видел, что Дроган все больше злился, хотя и старался сдерживать гнев. – Ты ведь маг Альянса, ты жил в Инталии... Проклятие, ты должен ненавидеть Империю и Триумвират!

– Ненавидеть? – Я рассмеялся. Ненависть из-за стен Высокого замка. Хорошая шутка... правда, немного горькая. – Позволь объяснить тебе, друг мой, одну простую истину. Все маги одинаковы. Все верны своим обязательствам, пока ситуация не потребует внести изменения в древние договоры. Все готовы заплатить любую цену, лишь бы добиться хоть маленького, но превосходства над соперником. И если в этой битве необходимо воспользоваться самыми подлыми методами – будь уверен, воспользуются. И рыцари в белых доспехах, и маги в черных мантиях.

– Ты не смеешь порочить Орден! – Леердел грохнул кулаком по столу, брызжа слюной. Его глаза налились кровью, как будто бы я только что нанес оскорбление ему лично.

– Смею, еще как смею. И я вовсе не пытаюсь очернить Несущих Свет... или обелить черные рясы безликих. Разница между ними – всего лишь в цвете.

– Почему ты так в этом уверен? – буркнул он, медленно остывая.

– Я просто знаю жизнь... – пожал я плечами.

– Это не очень заметно. – В голосе Дрогана звучала насмешка.

Я нахмурился. Безусловно, гостю в этом доме позволялось многое... хотя бы потому, что я просто вынужден был искать пути мирного сосуществования. Никто не может сказать, что маги высших рангов отличаются мягкостью характера. Один факт, что большинство из них предпочитает одиночество или вообще затворничество, говорит сам за себя. Нам не особо требуется общество других людей – во всяком случае не слишком часто. О да, маги встречаются друг с другом, вынуждены иметь дело с сильными мира сего, в их доме есть слуги, да и от женского общества мы не прячемся. Но все это происходит лишь тогда и лишь в тех границах, которые мы устанавливаем для себя сами.

Для меня такая свобода стала недостижимой. Я не управляю замком, он сам чувствует, когда я начинаю скучать, и именно в этот момент впускает в дверь очередного путника, призванного скрасить мое одинокое существование. И хотя я пытаюсь каждый раз избежать этого, где-то в глубине души понимаю, что и в самом деле устал от одиночества.

Но это совсем не означает, что я намерен терпеть неуважение в свой адрес... Особенно от какого-то там купца, который в прежней жизни обязан был склонять голову даже перед

теми, кто был много ниже меня в иерархии Альянса. А в присутствии магистра или тем более Творца и вовсе не имел права открывать рот без разрешения.

– Я прожил долгую жизнь, – сдерживая гнев, заметил я. – И видел за прошедшие годы куда больше, чем ты, торговец.

– Видеть – не значит разбираться...

На моих скулах заиграли желваки.

– А что, ты думаешь, что лучше разбираешься в жизни? В политике, в экономике, в искусстве? А может, ты знаток военного дела? Или есть еще что-то такое, с чем ты, не сумевший даже должным образом сопроводить свой собственный караван, справляешься лучше меня?

– Да сколько угодно! – фыркнул он презрительно. – Ты говоришь, Санкрисст, что разбираешься в экономике? Да любой приказчик в лавке знает о деньгах больше, чем лучшие из вас, магов. Вы видите золото только в мешках и сундуках, но не имеете ни малейшего представления о том, как его заработать, как с умом потратить – так, чтобы оно вернулось с прибытком. Что ты знаешь о выдаче ссуд, о процентах и залогах, о рассрочках платежей и о разнице в обменных курсах?

Я молчал, прожигая его взглядом. Магам некогда задумываться о столь низменных вещах...

– Ты говорил о политике? О да, ни одни переговоры не обходятся без Вершителей. Но кто готовит документы? Кто занимается разведкой, изучает добытые сведения, подсказывает наиболее перспективные решения?

Более всего мне сейчас хотелось его убить, и я еле сдерживался, чтобы не претворить это желание в реальность. Он снова был прав... Маги немало времени отдавали политическим играм, но далеко не столько, сколько профессиональные дипломаты, посвятившие этому всю жизнь, часто начиная с детства, с учебы.

– Военное дело? – продолжал изгаляться он. – О да, на поле боя армия без магов обречена на поражение. А маги без армии? На многое ли способна жалкая кучка волшебников, если их не будут со всех сторон оберегать щиты и клинки простых бойцов? Еслидесятники не научат своих солдат драться? Если не будет офицеров, чтобы мудро распределить силы, позаботиться об авангарде, резервах, дозорах?

Может, и в самом деле время пребывания Дрогана в этих стенах подошло к концу? Может, покончить с этим сейчас? Возможно, спустя какое-то время я стану сожалеть об этом, но зато какое наслаждение доставит мне зрелище его мучительной смерти! Никто и никогда в прежней жизни, до этого проклятого плена, не позволял себе разговаривать со мной в таком тоне.

– То же и в других областях, в том же искусстве... о да, маги – известные ценители живописи, скульптуры, ювелирных изделий, но способны ли они сами написать хотя бы плохонькую картину? Ограничь камень?

– Проклятие, купец! Не дело магов выполнять обычную работу... Гранить камни! Да я в своей жизни владел драгоценностями, которые ты и представить себе не можешь! И уж поверь, знаю камни лучше, чем какой-то торговец, все состояние которого меньше, чем цена вот этого бриллианта! – с этими словами я сунул ему под нос свое кольцо с огромным алмазом, с которым практически никогда не расставался.

– О да, ты знаток! – расхохотался он мне в лицо. – Санкрисст альНоор, величайший из смертных знаток ювелирного искусства!

Одним стремительным движением он сдернул кольцо с моего пальца.

– Ты не желаешь видеть очевидного или стремишься обманывать сам себя?

С этими словами он с силой припечатал кольцо к мраморной столешнице. Во все стороны брызнули прозрачные осколки.

Я тупо уставился на пустой, слегка помятый золотой ободок.

– Подделка?

– Разумеется, – снисходительно обронил Дроган. – И я понял это сразу, Санкрист. Я ведь купец, я должен уметь с первого взгляда опознать фальшивку.

*Его слова доносились до меня словно сквозь толстое шерстяное одеяло. Я медленно под-
нялся – золотой ободок покатился по полу, но я уже не замечал этого. Ноги сами понесли
меня по коридорам, я бежал, не разбирая дороги, цепляясь за стены, и слышал, что Дроган
бежит за мной. Добежав до железной двери, я набросился на замок – дважды уронив ключ,
дрожащими руками все же открыл его, распахнул дверь...*

*Зеленая шпага лежала на том же месте, на ложе из черного бархата. Я схватил ее и
изо всей силы хлестнул изумрудным клинком по каменной стене. Еще удар, еще... лезвие высе-
кало искры, пронзительно и обиженно звенело... пока вдруг не переломилось пополам. Кусок в
две ладони длиной упал на пол, сопровождаемый тонким, медленно затухающим звуком раз-
битого стекла.*

*– Вот, значит, как... – глухо пробормотал Дроган, поднимая острый стеклянный обло-
мок. – Я ведь все правильно понял, Санкрист?*

*– Ты все понял правильно, – прошептал я одними губами. – Это тоже подделка, Дроган,
и, следовательно, Изумрудное Жало где-то в Эммере.*

Его вновь окружала тьма – как тогда, в другой жизни. Он теперь считал, жизнью было две. «До» и «после». Это было правильно – часто случается так, что человек проживает не одну, а множество жизней. И каждая – очень разная... не всегда хорошая, но обязательно раз-
ная. Сейчас он жил второй своей жизнью и старался смириться с этим – все делается по воле
Эмнаура, и если бог принял решение, непостижимое для простого смертного, – что ж, остается
лишь принять волю высших сил.

Вся жизнь «до» была простой. Он охотился на бандитов, изучал магические искусства в
Триумvirате, молился... это было хорошее время, понятное и даже приятное. Была крыша над
головой – сначала своя собственная, затем – принадлежащая Триумvirату. Не терзали муки
голода – кроме случаев, когда он приносил обет некоторое время воздерживаться от еды. Ему
даровали право носить чеканную маску и быть среди близких по духу людей. И еще... еще
была вера в мудрость великого Эмнаура в неизбежную победу тьмы над светом...

Однажды все изменилось.

Алкет неловко поднялся с узкой лежанки. Руки были стянуты за спиной мягкими кожа-
ными ремнями – аккуратно, но надежно. Разумеется, он не пытался освободиться – к чему
бежать, если надежнее стражей у входа и каменных стен его держали терзания собственной
души. Видимо, именно поэтому на него не стали накладывать ни «путы», ни «оковы». Пре-
ступник должен испытывать нравственные страдания, а эти два заклинания Крови обеспечи-
вают послушание – и не более того.

Заключенный подошел к окошку – если это крошечное отверстие, куда не пролезла бы
даже голова широкоплечего Гарда, можно было назвать окном. Глубоко вдохнул прохладный
утренний воздух.

Все эти дни он снова и снова вспоминал чудовище, которое сам же и выпустил наружу.
Молодых воинов, отдавших свои жизни, чтобы демон мог вступить в Эммер. И других – моло-
дых и старых, умелых и не очень – воинов в белых эмалевых доспехах, что шли на верную
смерть, пытаясь хоть ненадолго остановить монстра. Они бросались на него снова и снова и
гибли... гибли...

Эти тела, разорванные чудовищными когтями, растоптанные могучими лапами, обо-
жженные демоническим огнем, уже который день стояли у Алкета перед глазами. Стоило
только опустить веки.

Светало. Прошла еще одна ночь. Еще ближе казнь.

Он давно смирился с мыслью о казни. Смирился уже в тот момент, когда солдаты заложили ему руки за спину, накиннули на шею удавку, чтобы не пытался вырваться, и в таком виде доставили в шатер генерала Ви. Хотя нет, в шатер его повели не сразу, сперва дали волю полюбоваться на ту бойню, что устроило созданное им чудовище. Созданное или вызванное, не важно. Его держали, а он смотрел. Офицер, что стоял рядом, ругался сквозь зубы – и Алкет вдруг с удивлением понял, что почти никто в армии не радуется его поступку. Не радуется несмотря на то, что демон изрядно измотал тяжелую кавалерию светноосцев, да к тому же еще каким-то странным образом ударил по магам. Расстояние было велико, но Алкет видел падающие фигуры – словно гигантская коса прошла по склону, сметая всех, кто оказался на ее пути.

Генерал Ви не сыпал проклятиями, не обещал нарушителю единственного общего для всех государств Эммера закона страшных кар. Он просто презрительно смотрел на Гарда, а затем отвернулся и сплюнул.

– Увести. Запереть.

Гарда затолкали в эту комнату, позаботившись тщательно связать, – солдаты знали, как обращаться с магами. Раз в сутки стражник приносил еду и кормил пленника – с ложки, поскольку развязывать магу руки было непросительной глупостью. Солдат мало интересовал тот факт, что преступник раздавлен грузом собственной совести и не помышляет о побеге. Правила были просты – либо заклинание «оков разума» или «пут разума», либо надежно связанные за спиной руки.

И вот теперь уже две недели эти четыре стены – все, что он видит. Да еще маленький клочок неба в окошке.

Иногда из окна доносились звуки боя. Алкет знал, что дом, ставший его тюрьмой, расположен неподалеку от села Оскет, что к северу от крепости Северный Клык. Видимо, когда-то дом принадлежал пасечнику – Алкет видел коробки ульев, когда его вели к месту временного заключения – но то ли хозяин сбежал, узнав о приближении имперской армии, то ли бросил свое жилище по иным причинам. Вероятно, Северный Клык еще держался, день за днем отражая вялые атаки живых мертвецов, брошенных у его стен устремившейся к Торнгарту гуранской армией. Мертвецы, поддерживаемые тремя сотнями легкой пехоты и десятком некромантов Триумвирата, время от времени отправлялись на штурм. Но, поскольку и солдаты, и тем более маги не желали подставлять себя под стрелы укрывшихся за каменными стенами орденов, то в бой мертвецы каждый раз отправлялись сами. Контроль над покойником тем слабее, чем дальше от мага он находится – выйдя из зоны влияния, мертвецы по-прежнему оставались равнодушными к боли, по-прежнему не ведали страха – но утрачивали цель, а потому рубили все, что попадалось под руку, в том числе и друг друга.

У Ивара арГарида были отменные стрелки. Некроманты уже потеряли двоих самых смелых, попытавшихся подольше сохранить контроль над смердящим воинством и потому подошедших слишком близко к стене. Опытный волшебник без труда отразит летящую в него стрелу – но не тогда, когда его разум занят контролированием действий нескольких сотен гниющих бойцов. Эти двое не успели углядеть стрелы, адресованные лично им.

Всего этого, разумеется, Гард не знал. Просто время от времени до него доносился отдаленный, едва слышимый шум битвы.

Стражники с заключенным не разговаривали. Лишь один раз, на шестой или седьмой день заключения, широкоплечий воин, выходя из комнаты с опустевшей миской в руках, остановился на пороге и обернулся.

– Жаль, ублюдок, я не увижу, как ты будешь корчиться на костре.

– Я сделал то, что должен был, – прошептал Алкет, чувствуя, как по подбородку стекает жидкая кашка. Солдат не слишком старался, поднося ложку к его рту.

– Ты дурак, безликий.

Интересно, знал ли охранник, что обращение «безликий» намного оскорбительнее, чем слово «дурак»? Наверняка знал... С тех пор, как солдаты, схватившие Гарда, сорвали с него маску, Алкет все время пребывал с открытым лицом – словно это было еще одним наказанием. Триумвират отвернулся от своего служителя второго круга. Ни один из магов – а их в имперской армии было более ста – не сказал ни слова в защиту бывшего товарища. Ни один не протянул ему маску, под которой он смог бы скрыть лицо. Это было правильно, закон не признавал компромиссов, и призвавший демона должен быть наказан. Но презрение окружающих жгло сильнее, чем пламя очистительного костра.

– Ты дурак, – повторил стражник. – Теперь каждая собака скажет, что Империя победила не благодаря мужеству воинов, а благодаря преступлению, совершенному сумасшедшей маской. Ты лишил всех нас славы... вот что ты сделал, тварь.

Он вышел, с силой хлопнув дверью, лягнув засовом. Кто-то забормотал, накладывая на замок защитное заклинание. Не против искусства пленника – со связанными руками Гард был беспомощен. А просто потому что так было положено.

На следующий день к Алкету пришел посетитель. Лишь увидев на пороге знакомую фигуру, бывший служитель вдруг понял, что все время ждал этого визита. Ждал – и боялся. И сейчас ощутил, как по коже пробежала волна холода – вряд ли от этой встречи стоит ожидать чего-то доброго. Если в его, Алкета, жизни еще будет что-то доброе... Он усмехнулся собственным мыслям. Ну, скажем, бывшему безликому, преступившему закон, просто отрубят голову, заменив этой быстрой смертью долгие мучения на костре. А в Империи – как, впрочем, и в Инталии – существовало достаточно специалистов, умеющих на немалый срок продлевать огненную казнь.

– Мне печально видеть тебя в таком положении, – прошептал посетитель.

– Я лишь претворял в жизнь ваш план.

– Ты не добавил «отец мой», – прошелестел старческий голос. – Или ты уже не считаешь Триумвират своей семьей, Алкет Гард?

– Тот, кого я называл своим отцом, обманул меня.

– Вот как? – Юрай Борох тяжело опустился на лежанку. – Разве я сказал тебе хоть слово лжи? Ты пришел ко мне, утверждая, что слышал голос Эмнаура. Ты заявил, что Он признал тебя достойным Алого свитка.

– Ты сказал, что бог сам выбирает достойного – и тогда людское правосудие смирится с нарушением закона.

Борох некоторое время молчал, словно вспоминая тот разговор. Затем пожал плечами.

– Да, я сказал именно так. Слова были другими, но суть ты передал верно. Только вот в чем дело, сын мой, истинно ли словами Эмнаура было то, что послышалось тебе во тьме кельи? Я же сказал, что лишь тебе решать, применить ли это проклятое заклинание. Ты решил. Ответственен ли я за твои действия? Как отец – возможно. Как высший маг Триумвирата – пожалуй. И я не снимаю вины с себя.

– Но я умру на костре.

– Да, умрешь. – Теперь голос верховного жреца звучал жестко. – Прости, сын мой, но я хочу, чтобы ты понял. Не будем сейчас думать о том, чей голос ты слышал. Бога... или человека, желающего сбить тебя с истинного пути. Я отдал тебе свиток не потому, что поверил в голос Эмнаура. Нет, сын мой, я видел, что дух твой слаб, что ты не устоишь перед соблазном. Сила – очень привлекательная вещь, малыш, устоять может не каждый. Я в свое время устоял – именно поэтому мне было доверено хранение Алого свитка. Ты оказался слаб. И эта слабость пошла на пользу Империи. Орден лишился большей части своих боевых магов, и теперь вряд ли сможет оказать серьезное сопротивление. А твоя казнь... она станет свидетельством того, что Империя, как и в былые времена, уважает закон.

– Ты же знал, что так и будет, жрец!

– Знал, – легко согласился Борох. – Конечно, знал.

Он поднялся, подошел к Алкету, встал рядом, положил ладонь на плечо заключенному.

– Я знал, что тебе не достанет мужества остаться в стороне от битвы. Особенно если под руками вдруг окажется все необходимое для проведения ритуала. Если бы ты сумел взять себя в руки – тогда, волей Триумvirата, именно ты стал бы следующим хранителем запретного знания. Но вероятность такого исхода была слишком мала... Я не подталкивал тебя к преступлению, Алкет, я лишь немного... усложнил твой выбор. Подумай сам, легко отказаться от деяния, если нет возможности его совершить. Но у тебя под руками неожиданно оказалось все, что нужно, – тем значительнее была бы твоя победа над самим собой. Но ты проиграл. И пусть тебя утешит мысль, что даже смерть твою я сумею обратить во благо.

– Во благо Гурану или лично тебе, жрец?

Борох рассмеялся сухим, дребезжащим смехом.

– А где та грань, сын мой, что отделяет мои интересы от интересов Империи? Впрочем, сказано уже достаточно. Я хочу попросить тебя, сын мой. Не приказать, ибо ты в душе отверг служение, я чувствую это. Печально, но с этим уже ничего не поделать. Поэтому я прошу – умри достойно. Как положено мужчине.

Больше Борох не сказал ни слова. Вышел, тихо притворив за собой дверь.

Сколько раз за прошедшее время Алкет вспоминал этот разговор? Днем и ночью в его голове звучал голос Бороха, повторявший правильные, умные вещи. Все верно, приход демона оказал большую помощь Империи, но и в немалой степени дискредитировал ее в глазах всех – от благородного сословия до простого серва. Если сейчас состоится показательная казнь отступника – это несколько приглушит возмущение народа.

Годы, проведенные во служении, не могли не сказаться на чувствах Гарда. Он привык думать о себе, как о частице большого общего дела – и потому сейчас мысль о предстоящей смерти воспринимал спокойно. Он сделал то, что считал нужным – и ошибся. Бывает. Закон определил наказание, и приговор будет приведен в исполнение. Нет сомнений, что Триумvirату нужно было это деяние, но даже верховный жрец не мог прямо приказать – только подтолкнуть, создать условия, спровоцировать. Разумеется, у него это получилось. Теперь Триумvirату необходима его смерть. Вот об этом Борох мог сказать прямо – лидер сильнейшего магического сообщества Гурана мог позволить себе отправить подчиненных на смерть, если того требовали высшие интересы. И делал это не раз. Так что его откровенность – лишь облаченный в сочувственную форму приказ.

Небо стало совсем светлым. Еще одно утро...

Загребел замок. Алкет удивленно оглянулся – еду должны были принести лишь вечером, для посетителей тоже еще слишком рано. Может, его решили дополнительно покормить? Постоянное чувство голода не особенно раздражало Гарда – над ним не издевались намеренно, еды было не больше и не меньше, чем полагалось заурядному узнику. Просто для могучего тела служителя, уже много лет не терзавшего себя строгим постом, этой плоской жидкой каши и куска хлеба было явно недостаточно.

Чуть пригнувшись, чтобы не зацепиться за низкую притолоку, в комнату вошел воин. В латах, с мечом и кинжалом. За ним – второй, тоже с ног до головы облаченный в сталь. Третья фигура маячила в коридоре – Гард не мог ошибиться, с первого взгляда узнав балахон безликих. Трое, один из них маг... либо его поведут на казнь, либо поступил приказ доставить его куда-то в другое место. Алкет криво усмехнулся собственным мыслям. Да, второе вероятней. Нет смысла казнить отступника здесь, куда полезней возвести его на костер на площади Брона, при большом стечении народа. Да еще зачитать список прегрешений, усилив голос магией так, чтобы каждое слово было слышно даже зрителям, стоящим в самом последнем ряду.

– Выходи.

– Мне здесь нравится...

Почему эта реплика сорвалась с его губ? Ясно же, что душевной беседы с охранниками не получится. Подтверждение последовало мгновенно – кулак в железной перчатке врезался в живот Гарда, и служитель рухнул на землю. Тело сотряс спазм, его вырвало. Сил, чтобы хотя бы откатиться в сторону, не было – он так и лежал, уткнувшись лицом в дурно пахнущую лужу. Сильная рука одним рывком поставила Алкета на ноги, больно вывернув связанные руки.

– Еще одно слово, ублюдок, и я заставлю тебя сожрать твою же блевотину. Сделаешь лишний шаг – перережу тебе сухожилия. – Голос воина был абсолютно, пугающе спокоен. Словно бы он разговаривал со статуей.

Грязная тряпка мазнула Гарда по лицу. Он скривился от отвращения, но все равно стало чуть легче.

– Выходи, – повторил воин.

Бывший служитель пожал плечами и неловко двинулся к двери. Боль уже отступила, но колени еще подрагивали – удар стального кулака был жесток. Безликий отступил в сторону, пропуская узника. Бронзовая с серебром маска... значит, он равен Гарду по статусу. Если иметь в виду тот статус, который Алкет когда-то имел.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, но свет все равно оказался слишком резким, и Алкет зажмурился, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Ему хотелось немного постоять, подышать полной грудью – в комнате, где его держали, было слишком душно. К тому же раздражал запах рвоты, кислый и неприятный. Но стража не собиралась предоставить пленнику возможность насладиться прохладным утренним воздухом.

Гарда втокнули в карету, оба охранника тоже влезли следом, громыхая доспехами.

«Расслабились, – со злостью подумал Алкет, – мертвецы лезут на стены, под стрелы и кипящую смолу, а вы здесь прохлаждаетесь. Разумеется, присматривать за связанным пленником куда безопаснее».

Вслух он ничего не сказал. Преподанный урок пошел на пользу, и Алкет не желал провести несколько часов в обществе вонючих. Хотя, возможно, в этот раз ему просто съезжают по челюсти... несколько выбитых зубов и разорванные губы не помешают ему взойти на костер. Или для него приготовят тонкий кол? На нем можно умирать очень долго – гораздо дольше, чем на костре. Но не так эффектно.

Карету сопровождал достаточно солидный эскорт. Тридцать всадников: две дюжины латников, остальные лучники. Безликий тоже предпочел ехать верхом, как и двое его подручных, судя по простым маскам из красной меди – служители четвертого круга. Гард подумал о том, что в случае магического поединка ему не устоять – выиграть дуэль со служителем второго круга еще возможно. Если никто не будет мешать. Алкет не обольщался, этот безликий наверняка боевой маг, имеющий богатую практику. И кто одержит верх – большой вопрос. Но когда на стороне мага двое подручных, пусть и слабых, и целый отряд воинов – шансов нет.

Алкет устроился как мог удобнее – дорога ожидалась долгой.

Спустя двадцать часов Гард уже люто ненавидел эту карету – разумеется, никто не позаботился накинуть на нее «саван», и пыль, казалось, уже заполнила и уши, и нос, и рот. Вероятно, воины страдали ничуть не меньше, но за глухими шлемами невозможно было увидеть их лиц. Еще больше раздражало, что окна кареты были закрыты снаружи деревянными щитками. Странное ощущение... карету немилосердно трясло, но временами ему казалось, что она просто стоит на месте, а десяток здоровяков качает ее, создавая иллюзию движения.

Наконец тряска прекратилась. Один из стражников распахнул дверцу и выбрался наружу. Послышался приглушенный хлопок, и Алкет чуть не застонал от нахлынувшего бешенства. Эти сволочи были укрыты индивидуальными «саванами», и всю дорогу наслаждались чистым,

лишенным пыли воздухом и приятной прохладой. Заклинание накладывал мастер, раз оно продержалось так долго.

– Выходи. – Охранники по-прежнему были немногословны.

Городок он узнал – Хольм. Оказывается, они проделали большую часть пути. Если переночевать здесь и выехать пораньше, то к ночи можно быть в Броне. Алкет усмехнулся – в его положении не стоит задумываться о том, как сэкономить дни пути. Забавно... продолжительность оставшейся жизни может быть измерена выносливостью лошадей.

Солдаты проверили ремни на его руках, затем повели в таверну. Зал был пуст, если не считать шестерых воинов – двое стояли у двери, провожая Гарда недоброжелательными взглядами, еще пара пристроилась за столом, поставленным вплотную к заднему выходу. На столешнице лежали взведенные арбалеты, и чтобы схватить их, требовалось лишь мгновение. Служитель усмехнулся... сколько предосторожностей – и все зря. Он не собирается бежать... как не собирается и информировать об этом своих тюремщиков. Если им хочется быть все время настороже – пусть их.

Остальные воины расположились у единственного окна. Тоже с арбалетами.

– В подвал его! – бросил безликий, вошедший в таверну следом за Гардом. – Удрик, Саттор, охраняйте дверь. Хадук, покормишь пленника... твой пост внутри. Шесть человек с арбалетами – наверх, трое – в конюшню. Остальные могут поесть. Потом сменят часовых.

Сильный толчок заставил Гарда потерять равновесие, и мгновением позже он уже катился по неровным ступеням. В подвале было темно, пахло кислой капустой и копченым мясом. Не самый плохой запах после нескольких дней, проведенных на жидкой, невкусной каше.

Тяжелый сапог впечатал ногу Алкета в деревянный пол. Не ради того, чтобы причинить пленнику лишние страдания – просто здесь было темно, и масляная лампа в руке тюремщика почти не разгоняла тьму.

– Разлегся тут...

На крюках висела дюжина окороков. В углу стояли бочки то ли с капустой, запахом которой пропиталось тут все, то ли с вином. Солдат срезал пластину мяса с ближайшего окорока, вкусно зачавкал.

– Хадук, тебе приказали меня покормить, – заметил Алкет, с некоторым трудом поднявшись на ноги.

– Я помню, – буркнул воин. – Жаль переводить на тебя добро.

Он поднес к губам пленника ломоть мяса... и тут же отдернул руку – Гард лишь щелкнул зубами.

– Вкусно? – осклабился Хадук. – Еще кусочек?

– Ежегодно каждый служитель четвертого круга обязан соблюсти двенадцать постов, – тоном воспитателя, читающего ученикам скучную лекцию, сообщил Алкет. – Каждый пост длится неделю, и служитель имеет право пить только воду и съедать три сухаря в день. Посты служителей третьего круга более суровые, десять дней. И сухарей меньше, всего по одному.

– Заткнись, – буркнул воин.

Он понимал, что над ним издеваются. И будь пленник не связан... о, с каким бы удовольствием Хадук выбил бы ему все зубы. Но избивать человека, чьи руки спутаны за спиной, было совсем уж бесчестным, а снимать с запястий преступника ремни запрещалось категорически. Ни на мгновение.

– Тот, кто достиг второго круга, уже выше всех этих постов, – продолжал Гард, не моргнув и глазом. – Но мне не составит труда воздержаться от пищи по старой памяти. Так что если ты не хочешь исполнять приказ, ешь сам. Я посмотрю.

– Чтoб ты провалился! – Хадук отошел в дальний угол подвала и сел на бочку. – Хочешь жрать – жри. Думаю, связанные руки тебе не помешают.

Если он ждал, что пленник гордо откажется, то просчитался. Гард неторопливо принялся отрывать куски мяса от окорока. Было не очень удобно, но есть хотелось чрезвычайно, а аромат у копченого мяса был просто одуряющий. Наевшись, Гард попытался поудобнее устроиться на полу – вряд ли для него приготовят кровать. Хадук все так же сидел на бочке, не спуская взгляда со своего подопечного.

– Собираешься не спать всю ночь? – невинно поинтересовался Алкет.

– Через два часа меня сменят, – с несколько неожиданным спокойствием ответил стражник. – Не стоит надеяться, что меня одолеет дремота.

– Я и не надеюсь. Завтра с утра опять в дорогу?

– Торопишься на костер? – хмыкнул Хадук. – Успеешь, ублюдок. Утром прибудет дополнительная охрана.

– Тридцать воинов и три мага для меня недостаточно?

Стражник пожал плечами:

– Пока ты связан, хватило бы и меня одного. Поверь, мне приходилось убивать магов, и если ты начнешь дурить... Знаешь, Гард, я бы очень хотел, чтобы ты выкинул какую-нибудь глупость. Ты подумай, подумай. Я убью тебя быстро. Не так быстро, как топор палача, но ты ведь понимаешь, что простого и честного топора тебе ждать не приходится. Умирать на костре долго, на колу – еще дольше. А я просто выпущу тебе кишки.

– Чем я тебе так не угодил?

– Ну почему же, – заржал Хадук. – Ты молодец, ублюдок. Ты надрал задницы орденцам. Правда, теперь каждая собака говорит, что Империя пользуется запрещенной магией. Поэтому ты должен сдохнуть...

– Ну прямо-таки все считают своим долгом объяснить мне, почему я должен умереть в торжественной обстановке, – скривился Гард. – Скажи что-нибудь новое.

– Но я справедливый человек. – Охранник извлек из ножен меч и любовно провел ногтем по лезвию. – И очень великодушный. Я мог бы подарить тебе быструю смерть.

– И заодно получить повышение за то, что не дал бежать самому опасному преступнику Империи, так?

Хадук пожал плечами.

– Награда или наказание... не знаю. Время покажет. Ну так что, маска, попробуем? Дай мне повод.

– Разрежь ремни, будет тебе сколько угодно поводов, – прошипел Алкет.

– Ну уж нет... разрежу ремни, но только когда ты будешь трупом. Я справедлив, но я не безумец.

– Как хочешь, – душевно улыбнулся Гард, закрывая глаза.

Что бы там ни было, но он собирался поспать.

Проснулся он рано. Тело затекло от неудобной позы, руки онемели, и пришлось долго разминать их, насколько позволяли путы, пока к ним вернулась чувствительность. На бочонке уже сидел другой воин, отчаянно клевавший носом. Правда, вид вставшего пленника разом согнал с охранника всю сонливость.

– А ну сядь! – рыкнул он, хватаясь за меч.

Гард пожал плечами, подошел к изрядно обкусанному окороку и приступил к завтраку. Солдат что-то прорычал, но этим и ограничился. Насытившись, Алкет направился к штабелю бочек. Вытащить пробку зубами было сложно, но он справился – жажда мучила столь сильно, что, если бы упрямая пробка не поддавалась, он просто прогрыз бы бочку.

Ударил багровая струя. Пленник жадно пил, вино – а в бочке оказалось весьма неплохое вино, хотя Гард предпочел бы пиво – текло по балахону, по лицу, даже по волосам. Наконец,

довольно отдуваясь, он отошел от бочки, которая продолжала заливать подвал драгоценным напитком.

– Не желаешь? – Он кивнул в сторону еще не до конца опустевшей емкости.

Солдат зло глянул на пленника, затем пожал плечами и подошел к постепенно ослабевающей струе, подставил здоровенную глиняную кружку.

– Неплохо! – гыгыкнул он, отдуваясь. – А ты в вине разбираешься, ублюдок. Знал, небось, что вскрывать.

– Мне бы переодеться, – задумчиво протянул Гард. Вино вином, а запах от балахона шел такой, что и трезвый быстро окосеет.

– Перебьешься.

В дверь сунулся пузатый мужик в чиненом, но тщательно отстиранном передничке. Судя по откормленной физиономии, либо хозяин, либо шеф-повар. Интересно, с чего бы это его впустили к столь тщательно охраняемому пленнику? Не иначе стражники захотели вина. Хорошего. Вон и кувшин притащил.

– Что... что же вы натворили... – Челюсть толстяка отвисла, он с тоской осматривал учиненную незваными гостями разруху. – Мое вино...

– Подумаешь, – равнодушно хмыкнул Гард. – Всего-то один бочонок.

– Тебе заплатят, – хмуро сообщил солдат, хотя убежденности в его голосе не чувствовалась. Будь здесь одна лишь армия – заплатили бы, пожалуй. Но безликий выше подобных мелочей и вряд ли снизойдет до погашения причиненных убытков.

Взглянув на стражника с плохо скрытой ненавистью, толстяк подошел к откупоренной бочке, наклонил ее, сливая в кувшин еще не вытекшее вино. И покинул подвал, более не сказав ни слова. Но если бы взгляды убивали, на залитом драгоценным вином полу остались бы два трупа.

Гард ожидал, что вот-вот его вытащат из подвала и снова запихнут в карету, но шли часы, а он все еще оставался на месте, постепенно дурея от винных паров. Сменился часовой... Новый стражник то ли был менее подвержен дисциплине, то ли решил, что хуже уже не будет – спокойно слил в оставленную кружку последнее вино из бочки, нарезал ломтями мясо (избегая касаться обкусанной Гардом части окорока, брезговал, что ли) и приступил к завтраку. Спустя какое-то время сменили и его. Гард уже был в полуобморочном состоянии – нашел местечко поудобнее и попытался заснуть. Вроде бы и глупо тратить последние часы жизни на сон – но еще глупее без конца разглядывать скучающего сторожа.

Когда его вывели наружу, день уже перевалил за середину. Свежий воздух подействовал сильнее винных паров – все поплыло перед глазами, и Алкет ощутил, как подкашиваются ноги. Упасть ему не дали.

– Быстрее, говнюки, быстрее! – рычал незнакомый мужчина в дорогой мелкокольчатой кольчуге, перетянутой поясом, состоящим из серебряных квадратов. Вероятно, рыцарь – и простому солдату, и даже сотнику такая кольчуга не по карману.

Он был довольно молод – вряд ли разменял третий десяток. Судя по тому, как кричит и суетится, – в армии недавно. Бывалые командиры понимают, что лучший способ сделать что-то быстро – отдать приказ опытному десятнику. Тот знает своих людей, прекрасно разбирается, кому и что поручить, чтобы добиться максимального эффекта. А создавать суматоху самому – верный способ сделать дело вдвое, а то и втрое медленнее.

– Шевелитесь, засранцы!

– Не стоит кричать, – тихо заметил безликий.

Рыцарь сразу присмирел, даже словно бы стал ниже ростом. Алкет чуточку злорадно хмыкнул – это еще один показатель того, что сосунок в армии недавно. Подумаешь, отросли усы и щегольскую бородку, нацепил на себя замечательную кольчугу и драгоценный пояс. Достаточно послужившие рыцари уважали служителей Триумвирата, но не лебезили перед

ними. И лишь те, что еще вчера жили мирной и безопасной жизнью, вздрагивали при звуке голоса, раздававшегося из-под чеканной маски.

Впрочем, все эти познания Гарда не были проверены практикой. Так... частное мнение одного его давнего знакомого.

– У нас достаточно времени, – продолжил безликий.

– Мы... простите, служитель, но мы не успеем достигнуть Брона. – Рыцарь склонил голову.

– В этом нет необходимости, – бронзово-серебряная маска смотрела равнодушно и как будто мимо рыцаря. – Переночуем в Клитте. Там хорошая гостиница. В Броне будем завтра к полудню.

– Как прикажете.

– Да, приказ будет именно таков. Обеспечьте выдвижение арьергарда и авангарда. И боковое охранение. Арбалеты на изготовку.

– Вы ожидаете нападения, служитель?

Маска повернулась к рыцарю. Если бы серебро могло отражать эмоции, то сейчас чеканная личина, несомненно, презрительно поджала бы губы.

– В настоящий момент в наших руках находится самый важный преступник Империи. Если с ним что-нибудь случится... обратите внимание, я не говорю о побеге, это невозможно. Но если его хотя бы просто убьют – поверьте, немало найдется отщепенцев, жаждущих свершить самосуд – Империю обвинят в нарушении законов. Преступник должен быть предан показательной казни, и наша задача обеспечить, чтобы эта казнь состоялась в назначенное время и в назначенном месте.

И снова дорога, снова скрипящая на зубах пыль... Алкет попытался спросить охранников, входит ли отказ от использования «савана» в число пыток, уготованных пленнику – но ему лишь молча съездили по челюсти. Даже без большого энтузиазма, не выбив ни одного зуба, лишь до крови рассадив губу. Просто чтобы заткнулся.

Он вдруг подумал, что сейчас плохое время для смерти. Конец лета, вокруг еще все зелено, ярко и празднично. Не так ярко, как весной – да, пожалуй, весной умирать обиднее. А вот осенью – в самый раз. Сыро, грязно, тоскливо.

Хотя осени ему не увидеть, это уж точно.

Ночь выдалась, словно по заказу. К вечеру небо затянули низкие, мокрые тучи, а с заходом солнца все вокруг укрыл туман. Лучше не придумаешь – уже в трех шагах не было ничего видно. Даже если ждать год, вряд ли можно было бы подобрать лучший момент.

Охотник притаился на крыше дома, внимательно осматривая окна таверны. Впрочем «осматривать» – это было сильно сказано. В окнах сиял свет лампад, но отсюда, с дома напротив, ярко освещенные окна казались лишь размытыми желтыми пятнами, обрамленными туманной мглой. Пленник, о котором говорил Консул, скрывался как раз за одним из этих пятен. За вторым слева.

За спиной послышался шорох, и рука Базила легла на рукоять кинжала.

– Не дергайся, – прошептал мужской голос. – Это я.

Пальцы расслабились.

– Лисмус, что скажешь?

– Тебе Консул много заплатил? – поинтересовался маг, устраиваясь поудобнее.

Туман замечательно гасил звуки, и не было сомнений, что воины, расположившиеся в таверне, наблюдателей не услышат.

– Я же говорил... – пожал плечами Базил. – Двести семьдесят золотых.

– Ты продешевил. – Это было сказано без язвительности или насмешки. Просто утверждение.

– Думаешь, дело безнадежное?

Маг некоторое время помолчал.

– Четыре десятка солдат, три мага, один рыцарь. Немалая охрана. Не будь здесь масок, я бы сказал, что наши шансы два к одному. Было бы больше, если бы они вели себя немного беспечнее.

– Я на это рассчитывал, – скривился Базил.

– Я тоже. И напрасно. В людях у нас перевес, но их маги наверняка доставят массу неприятностей.

– Ты не справишься с безликим?

– Справлюсь. – В голосе волшебника не мелькнуло и тени сомнения. – Приходилось, знаешь ли. В бою никто не сравнится с магом Альянса. Но я один, а их трое.

Базил снова посмотрел на желтое пятно окна. Люди, которые сидели там, внутри, защищенные от промозглой сырости, от липкого, тягучего тумана, были настороже. Наверняка держат под рукой взведенные арбалеты и мечи заранее извлекли из ножен. И кольчуги не сняли на ночь, хотя и находятся в самом сердце Империи, совсем недалеко от столицы.

Знают ли они, что полусотенный отряд уже окружил таверну со всех сторон? Что вооруженные мужчины и женщины притаились во дворах, за высокими заборами, готовясь к атаке? Базил был против участия женщин в этой операции, но выбирать было не из кого. Он и так нанял практически всех свободных искателей приключений в округе – разумеется, из тех, в чьем молчании был относительно уверен. Многие готовы рискнуть своей шкурой, чтобы заработать немного золота – но не всякий согласится при этом скрестить мечи с имперскими солдатами. Каждому из наемников полагалось пять золотых. Немалые деньги. И сумма, несомненно, в итоге окажется выше – не всем удастся уцелеть, а золото традиционно делится на уцелевших.

Но только несколькими Базил рассказал, какова истинная цель ночного нападения. Для остальных оказалось достаточно заверений, что охотник наконец-то нашел своего давнего врага, ныне скрывающего лицо под бронзовой, с серебряной насечкой маской. И намерен сполна рассчитаться с ним за некие старые прегрешения, о которых Базил говорил туманно и неопределенно, зато не забывал играть желваками и демонстративно стискивать кулаки. Мол, вражда смертельна и приговор вынесен. Осталось привести его в исполнение.

Но троем своим друзьям ему пришлось сказать правду. Они слишком хорошо знали Базила, чтобы поверить в сказочку о давней вражде. Понимания у друзей охотник не нашел – но все сообразили, что Базил попал меж двух огней, и любое решение окажется опасным. Консул по крайней мере платит за риск. А этот преступник... быть может, Консул, Борох или сам Император заинтересованы в жизни или смерти негодяя, посмевшего вызвать демона. Простых людей это не касается. Выкрасть? Пусть будет так... если бы от Консула поступил приказ потихому зарезать опального волшебника, это было бы встречено с тем же равнодушием. Помочь другу в трудном положении – дело святое. А имперских солдат они не боялись – в жизни искателя приключений часто случаются ситуации, когда нарушение закона становится единственно правильным деянием. Тиграт и Саура одно время испортили имперцам немало крови – хотя были достаточно осторожны, чтобы их имена не стали известны Консулу и его приспешникам. А Дебтер был просто охотником за головами – таким же, как и Базил. Достаточно известным в своем деле. И ему тоже приходилось выполнять контракты в отношении тех, кто некогда служил Империи.

Еще пришлось сказать правду Лисмусу. По одной простой причине – маг не желал работать втемную. Рассказ о кровной мести он воспринял со скептической ухмылкой, зато идею насолить Империи воспринял с глубоким удовлетворением. К возможной милости Консула волшебник Алого Пути остался равнодушен, заявив, что благоволение высокопоставленных особ приобретается большой кровью, зато теряется очень уж легко. И что несколько увесистых

золотых монет для него в настоящее время значат больше, чем гипотетическое расположение Ангера Блайта.

– Не пора ли? – шепнул маг.

– Рано, – покачал головой Базил. – Самые тяжелые часы – утренние. По себе знаю. Они еще пьют и жрут. По крайней мере половина охраны бодрствует.

Голода или жажды он не ощущал, но раздражала одна лишь мысль о том, что где-то там, в тепле и свете, люди пьют хорошее (кто ж подаст отряду, руководимому безликим, плохое) пиво и вино, едят свежеподжаренное мясо, ароматное, пузырящееся горячим соком. Сразу появлялось желание свернуть им шеи, поскольку только законченный негодяй может вот так пировать, когда совсем рядом в сырой, промозглой пелене сидят люди, вынужденные довольствоваться сухарями, ломтиками вяленой свинины да чуть тепловатой водой из фляг. Хмельное Базил употреблять запретил категорически – как дело будет сделано, тогда уж...

– Базил, я тут посмотрю. Не шуми. Лучше всего – даже не дыши.

– Ты имеешь в виду, это ваше видение сквозь стены? – Об этой магии охотник слышал не раз, но встретить умельца, способного им воспользоваться, пока не сподобился. Поговаривали, что на такие фокусы были способны только очень сильные маги.

– Я же просил, заткнись.

– Да, да, конечно...

– Заклинание «проницательность» обостряет чувства до предела, – нравоучительно заметил Лисмус. – Я должен быть осторожен.

Об этом охотник тоже знал. Достаточно хлопнуть в ладоши рядом с погруженным в «проницательность» волшебником, чтобы тот навсегда оглох. Более распространенное заклинание «длинное ухо», популярное среди магов среднего уровня, было не столь опасно. Но «длинное ухо» только лишь обостряло слух, не позволяя видеть сквозь стены.

Лисмус чиркнул себя ногтем по предплечью – на коже осталась длинная царапина, выступили кажущиеся черными капли крови. Маг медленно провел подушечками пальцев по ранке, затем принялся медленно втирать кровь в висок, одновременно бормоча слова заклинания. Базил ожидал, что на коже образуется темное пятно – но кровь, нарушая все правила, тут же впитывалась в тело.

Затем маг превратился в живую статую. Он сидел неподвижно, лишь чуть поворачивая голову, словно пронзая густой туман взглядом. Да так оно и было. Томительно ползли минуты, на лбу Лисмуса, несмотря на прохладу, выступили крупные капли пота.

Наконец он шевельнулся и открыл глаза.

– На втором этаже, где окна ярко освещены, восемь человек. Четверо спят. Внизу, в зале – дюжина. Все бодрствуют, но это ненадолго. Еще столько же в комнатах на первом этаже. Три комнаты, по четыре человека. Спят. Четверо в конюшне, возле лошадей. Бодрствует один, но и тот почти задремал. Четверо в угловой комнате на втором этаже. Двое – в сарае, что слева. Эти не спят... и не собираются. Два часовых на улице. Трое – на крыше.

– Их же всего сорок?

Лисмус покачал головой.

– Четыре полных десятка солдат, трое масок, рыцарь. Еще пленник, хозяин таверны... видимо, еще кто-то из прислуги.

– А кто где?

Волшебник усмехнулся.

– Ты что, думаешь, что я вижу их лица? Способов смотреть сквозь бревенчатые стены еще не придумали. И даже сквозь ткань простого шатра. Я вижу... не знаю, как тебе объяснить. Мы пользуемся термином «аура», но это не совсем подходит к данному случаю. Каждый человек мне видится в виде светящегося пятна... по характеру свечения можно кое-что предположить. Усталость. Сонливость. Или наоборот бодрость. Не больше.

Он помолчал, затем без особой уверенности добавил:

– Я мог бы сделать предположение, что маски и рыцарь расположились на втором этаже.

Слева. Ощущается защитное заклинание... ловушка. На окне. Хорошая ловушка, качественная...

– То есть соваться туда не стоит?

– Ну... – протянул маг, – если в отряде есть кто-то, кем ты готов пожертвовать, то можно попробовать. Первый, кто вломится в окно, умрет. Но у остальных будет шанс.

– Действуем как договорились?

– Это твой план. – Маг помялся, затем вздохнул. – Я подписался на эту авантюру, потому что мне нравится отдавливать мозоли Бороху. Не надо смотреть на меня такими глазами, Базил, я не вражду с Империей, но уверен, что, если вытащить парня с костра, Юраю это очень не понравится. Но если посмотреть непредвзято – это именно авантюра. Будь здесь еще трое-четверо алых, я бы не сомневался в успехе.

– Увы, – Базил вздохнул. – Ну как, пора?

– Да, самое время.

Маг плавно сместился назад, к краю крыши, откуда можно было бесшумно спуститься на землю. Охотник последовал за ним. Внизу их уже ждали...

– План остается в силе, – прошептал Базил. – Тиграт, ваша задача – часовые. В сарае, во дворе, на конюшне и на крыше. Когда снимете часовых, поднимайтесь на крышу. Дебтер, ты поднимаешься на крышу, когда путь будет свободен. Только когда будет свободен, не раньше. Если поднимется шум и воины полезут наружу, встретите их во дворе. Затем ваши люди один за другим атакуют левое угловое окно. Запомните, ваши люди, а не вы сами. Саура, твои стрелки держат под прицелом окна и двери. Без необходимости врукопашную не суйтесь. Только стрелами.

– Все ясно, друг. Лисмус, а ты?

– Я пойду с первым отрядом, как договаривались, – ухмыльнулся маг. – Я был бы не против поиграть боевыми заклинаниями, но и «сон» подойдет. Я знаю, среди вас немало умельцев перерезать горло часовому, но ведь прикончить спящего легче, не так ли?

Едва различимые в тумане тени двинулись к таверне. Маг шел первым – вот он остановился, принялся водить руками, что-то бормоча себе под нос. Это длилось долго, бойцы, расположившиеся чуть позади, ждали. Наконец волшебник кивнул и чуть пошатнулся. Его тут же подхватили под руки.

– Сейчас, сейчас... я буду в порядке, – чуть слышно прошептал Лисмус. – Эти двое, в сарае... тяжело... их взбодрили... магией... трудно преодолеть...

– Касс, останешься с магом, – приказал Тиграт. – Пока в себя не придет... остальные пошли.

Тени скользнули во двор и тут же рассыпались – часть нырнула в конюшню, трое метнулись к сараю. Тиграт склонился над человеком, свернувшимся калачиком. Воин мирно спал, сломленный усталостью и навеянным магией оцепенением. Он даже не почувствовал, как острое лезвие ножа скользнуло под подбородок, вспарывая кожу. Тут же широкая ладонь зажала рот часовому – каким бы крепким ни был магический сон, но человек мог захрипеть.

Через мгновение был убит и второй часовой, а минутой позже на пороге конюшни появился один из наемников, подавая условный знак – мол, тут чисто. Тиграт жестом приказал подниматься на крышу. Судя по тому, что тревога пока не поднялась, трое наверху тоже были в отключке. Тиграт мысленно усмехнулся – пожалуй, Лисмус стоит тех денег, что предназначались в его долю. Проклятие, ему стоило бы удвоить плату – он уже сделал треть работы, а пока не потеряно ни одного человека.

Увы, дальше все будет сложнее. Маг выдохся, да и не сможет он усыпить всех в таверне. Максимум еще двоих или троих, если оставить хоть немного сил на бой.

Вслед за своими парнями Тиграт поднялся на крышу, достал из-за пазухи большую белую тряпку, несколько раз махнул – белую ткань можно было разглядеть даже в тумане. Новые тени мелькнули во дворе...

– Маг силен! – одними губами прошептал Дебтер. – Теперь в комнату?

Тиграт кивнул, жестом отдавая команду. Наемники обвязывались веревками – придется прыгать. Весь расчет на внезапность... и как только зазвенит разбиваемое стекло, станет жарко.

– Арбалетчики, – приказал Дебтер, знаками указывая стрелкам их позиции. Затем повернулся к Тиграту: – Начали?

Тот кивнул и махнул рукой. Первый из наемников соскользнул с края крыши, веревка натянулась, сапоги с силой ударили в стекло.

Полыхнула сильнейшая вспышка, вопль боли заглушил звон вылетевшего стекла.

– Дерьмо! – рыкнул Тиграт. Хранить тишину было уже бесполезно. – Второй пошел!

Наемник посмотрел на командира вытаращенными от страха глазами.

– Быстрее, дурак! – оскалился Тиграт. – Все магические ловушки одноразовые! Ну!

Солдат прыгнул. Действительно, ловушки не было – но это не слишком ему помогло. Выпущенная безликим (Лисмус не ошибся, маги Триумvirата расположились именно здесь) огненная стрела прошла мимо, и наемник даже успел нанести пару ударов, но в комнате было четверо. Против одного. Когда в окно влетел следующий боец, его предшественник был уже мертв.

Один за другим бойцы соскальзывали с крыши. На открытом пространстве с магом справиться не так уж и сложно – засыпать стрелами хотя бы. Но в замкнутом пространстве проще всего задавить числом. Безликие не рискнут применять серьезные боевые заклинания, ограничатся простейшими – иначе сгорят вместе с нападающими. А от ледяной или огненной стрелы защитит куртка или кираса.

А в это время во дворе уже вовсю кипел бой. Пара солдат – то ли самых молодых, то ли самых глупых – и в самом деле, как предполагал Базил, выскочили во двор. И теперь лежали неподвижно, утыканные стрелами. Остальные оказались умнее, и сейчас имперцы яростно отстреливались. В отряде Сауры было уже шестеро убитых – или тяжело раненных, кто их разберет. Небо начало светлеть, но туман от этого казался еще гуще.

В стенах таверны уже торчало с десятков горящих стрел – но огонь лишь шипел, бессильно лизал старый сруб и отступал, оставляя черные пятна копоти. Такое дерево не горит – зелье, что пропитало бревна, стоило дорого. Но лучше не поскупиться один раз, чем после очередной пьяной драки отстраивать сгоревшее здание заново. Там, где драка – там и горящие лампы на пол летят, поджигая разлившееся масло. А с зельем этим... ну, сгорит пара столов или там лавок... мебель заменить, стены закопченные побелить – и вновь «Меч Императора» готов будет принять гостей. Сколько раз уж такое бывало...

Базил забрался на крышу, подошел к друзьям.

– Плохо дело, – буркнул он. – Солдаты двери заперли, да еще наверняка столами подперли, и стрел у них много. В этой проклятой таверне – как в крепости. Ребята быют по окнам, но попали ли в кого – неизвестно.

– Только быют? А забраться через те же окна?

– Узкие больно... это наверху в окно на лошади въехать можно, а внизу едва боком протиснуться. Зарежут.

– Тараны делать? – хмыкнул Тиграт. – Ежели хорошенько тараном двинуть, столы им не помогут. И засовы тоже.

– Ты много крепостей штурмовал? – хмыкнул Базил. – Тиграт, ты увлекаешься. Мы здесь не за тем, чтобы перебить солдат... и даже не за тем, чтобы свернуть шею безликому. Скорее всего пленник наверху. Я думаю, солдаты шум слышали, но что мы наверху – еще не знают. Готовь людей.

– Люди готовы.

– Тогда вперед. Главное – пленник. Все остальное не важно. Врываемся в комнату, берем парня и уходим.

– Как узнаем?

– Я узнаю, – отрезал Базил. – Начали!

Прыгнули сразу трое. В этот раз стекла выбивать не пришлось – отсюда, со второго этажа, тоже вовсю били арбалетчики, и один из прыгунов тут же поймал в живот тяжелую стальную стрелу, легко пронзившую тонкую кольчугу. Удар отшвырнул парня от окна, руки выпустили веревку, и еще живое тело полетело вниз, к земле. Но двое уже оказались внутри, зазвенела сталь.

– Вперед!

Еще одна троица подхватила освободившиеся веревки, прыгнула. За ними – еще трое. Последние. На крыше остались только Базил с Тигратом и Дебтером, да четверо арбалетчиков, не сделавших пока ни единого выстрела.

– Наше время, – буркнул охотник. – Если нас разделят... главное – вытащить парня. Жаль будет, если все зря. Где встреча, помните?

Он схватил веревку и прыгнул. Влетел в распахнутое окно вперед ногами, разжал руки, покатился по полу. Над головой гремело железо, его ребята рубились с охранниками, но шансов у нападавших было немного. Наемники умеют держать в руках мечи, но с императорскими латниками справиться непросто.

Вскочив на ноги, Базил рванул из ножен короткий меч – в толкотне боя этот клинок был полезнее, чем длинные мечи солдат. Правая рука сомкнулась на рукояти стилета. Тут же поднырнул под удар, ткнул кинжалом снизу – лезвие противно скрежетнуло по стали, не причинив вреда. Уходя от ответного выпада, охотник скользнул назад, но тут же споткнулся об лежащее на полу тело и упал на спину. Солдат с хаканьем опустил меч – но охотника под ударом уже не было, он откатился в сторону, и меч имперца врезался в половицу. В тот же момент на солдата налетел Дебтер, с размаху вгоняя тонкий стилет прямо в прорезь тяжелого шлема.

Человека, ради которого была затеяна вся эта резня, Базил увидел сразу, как только сумел встать. Кто бы еще сидел в углу со связанными за спиной руками. Он прыгнул к пленнику, но на пути тут же оказался еще один имперский солдат. Охотник парировал удар, тут же ткнул мечом в ответ – и вновь безуспешно. Чтобы пробить кирасу, требовалось оружие посерьезнее. Оставалось надеяться только на ловкость – в любых латах есть щели, куда вполне может проникнуть сталь.

Схватка была недолгой. Великолепно защищенному воину не хватало маневренности. Его отгеснили от спасительной стены, а затем тонкий стилет Дебтера вошел имперцу в бок, угодив в стык доспехов. Правда, лезвие переломилось, но свое дело сделало.

К этому времени живых солдат в комнате не осталось. Семь тел в тяжелой броне лежало на полу... И еще восемь – в более простых кольчугах, а то и просто кожаных куртках на толстой войлочной подбивке. Парни, вломившиеся в комнату, пали все. Нет, двое были еще живы... Одному глубоко разрубили бедро, другому повезло меньше – вражеский меч вспорол кольчугу и вскрыл несчастному живот. Если Лисмус цел – поможет. Если же нет – лучше добить парня, чтобы не мучился зря.

Тиграт сидел на окровавленной кровати, зажимая раненое плечо – меж пальцами сочилась кровь.

– Дерьмо, – пробормотал он. – Не повезло. Ладно, Баз, что дальше? По лестнице мы не пройдем. Там, внизу, два десятка ребят в железе.

– Не пройдем, – кивнул охотник.

Высунувшись в окно, он пронзительно свистнул.

– У тебя есть план? – Дебтер задумчиво разглядывал обломок стилета. – Знаешь, Базил, эта штука была со мной двадцать лет. А тут сломалась...

– Только не скажи, что это дурная примета, – фыркнул Тиграт и зашипел от боли.

– План есть, – кивнул Базил. – Вон, смотри...

Через двор двигалось нечто большое – присмотревшись, Дебтер понял, что это створка ворот, которую волокли их товарищи из отряда. Почти сразу же в дерево впились стрелы, но даже выпущенный из арбалета в упор стальной болт не мог пробиться сквозь толстые доски.

– Зачем? – поинтересовался Дебтер.

– Увидишь.

Деревянный щит глухо бухнулся в стену, наглухо запечатав одно из узких окон.

– Вниз, – коротко приказал Базил. Затем подошел к пленнику, что все так же равнодушно сидел в углу, перерезал стягивающие запястья веревки. – Вставай.

Мужчина поднялся – теперь, когда он стоял в полный рост, было видно, насколько же он высок и широкоплеч. Охотник, не жаловавшийся на телосложение, сразу почувствовал себя маленьким.

– Ты Алкет Гард?

– Да, – спокойно ответил пленник, разминая руки. – А как зовут тебя?

– Меня зовут спасителем, – фыркнул охотник.

– Кого же ты спасешь?

– В данный момент тебя.

Гард чуть насмешливо посмотрел на Базила, покачал головой.

– А я тебя об этом просил?

Вопрос охотнику не понравился. Он предполагал встретить что-нибудь вроде радости и признательности, все ж таки человека вытащили, можно сказать, с костра. Или этот здоровяк не понимает, что его ждало?

– Нашлись те, кто попросил, – сухо ответил он. – Очень, знаешь ли, настоятельно попросили. Я не смог отказать в таком пустяке.

– И что теперь?

– Теперь... если ты поторопишься, то мы отправимся куда-то в более безопасное место.

– Отправляйтесь, – пожал плечами Гард. – Разве же я мешаю?

– Ты что, не понял? Живо в окно!

– Это ты не понял, спаситель. – Губы Алкета вновь тронула легкая усмешка. – Я никуда бежать не собираюсь.

Охотник внимательно посмотрел на пленного мага. Сумасшедший? Нет, вряд ли... такие люди делают глупости от идеи, от убеждений. Он что, думает, что своей жертвой грехи искупит? Или что сожжение на пользу Империи пойдет? Хотя... может, и пойдет.

Он чуть заметно кивнул – и в ту же секунду Дебтер с силой врезал по затылку здоровяку ножкой разломанного кресла. На какой-то момент Базилу показалось, что сейчас этот бугай развернется и размажет наемника по стене, но Гард лишь мгновение тупо смотрел прямо перед собой, а затем его глаза закатились, и он тяжело рухнул на пол.

– Силен... – пробормотал Дебтер. – Я было подумал...

– Быстрее, быстрее, – прошипел Базил, подтаскивая кровать к дверям. – Думаешь, они там, внизу, от страха окаменели? Как же... сейчас сообразят, что их добычу утягивают прямо из-под носа. Тиграт, сможешь по веревке спуститься?

– Если есть угроза сдохнуть, то я могу и выпрыгнуть, – недовольно пробурчал раненый Тиграт.

Он подошел к окну, ухватился за веревку и, сморщившись от боли, выбрался наружу. Базил уже деловито связывал руки только что им же освобожденному пленнику. Попозже, когда в себя придет, с ним можно будет серьезно поговорить, объяснить, что к чему.

– Помоги, – хрипло попросил он Дебтера.

Вдвоем споро обмотали Гарда веревкой, перевалили через подоконник и, пыхтя и отдуваясь, спустили тяжелое тело вниз.

Со стороны коридора раздался тяжелый удар, воздвигнутая баррикада затрещала, разваливаясь, запор сорвало с петель, одна из досок двери раскололась.

– Давай, – рыкнул Базил, хватая подвешенную к стене масляную лампу и швыряя ее в дверь. Глиняная посуда разлетелась на куски, масло тут же вспыхнуло. – Быстрее, огонь их задержит.

Дебтер спорить не стал, тут же нырнул в окно. Снова грохнули в дверь – слаженно, сильно. Баррикада рухнула, в щели появилась закованная в железо рука. Тут же отдернулась, угодив в горящее масло. Базил бросился к окну – веревка была уже свободна.

Он не успел. Ощутил лишь сильный удар в спину, а затем все завертелось перед глазами, и пришла тьма.

Алкет пришел в себя – голова раскалывалась, к горлу подкатывала тошнота. Он попытался сообразить, где находится и что так больно давит на живот. Затем понял – его везут куда-то, перекинув через седло, как обычный тюк. Открыл глаза – внизу проплывала земля, перевитая корнями, заросшая травой. Толстые замшелые стволы деревьев, кустарник... никакого намека на дорогу.

Он шевельнулся – лука седла, казалось, давно пробила кожу и погрузилась в тело. И не смог удержать стоны.

– Очухался? – раздался над ухом злой голос. – С-сволочь...

– Почему? – прошептал Гард.

– Что «почему», гад?

– Почему сволочь, почему гад?

– Не понимаешь? Ну, я тебе объясню. Не сейчас, дружок, попозже. Так объясню, что мало не покажется.

В голосе невидимого собеседника звучала даже не угроза, скорее твердое обещание. Алкет понял – точно, мало не будет. Похоже, совсем недавно у опального волшебника появился личный враг. Странно – а он и не заметил, как это случилось.

Ехали долго – судя по косым солнечным лучам, пробивавшимся сквозь кроны деревьев, уже перевалило далеко за середину и без того короткого осеннего дня, когда по-прежнему невидимый командир отряда скомандовал привал. К этому моменту Алкет уже не сомневался, что отряд невелик – судя по доносившимся до него голосам, вряд ли больше дюжины человек.

– Снимай эту падаль.

Слово резануло слух, и в первый момент Гард даже не понял, что имели в виду его. И только когда сильные руки сдернули с седла и швырнули на землю, вызвав новый всплеск боли, сообразил, кого здесь считают «падалью». Он с трудом перекатился на спину – его тут же подхватили, посадили, прислонив спиной к дереву. Руки, разумеется, не развязали.

Пленник огляделся. На небольшой поляне собралось не более десятка людей. Трое были ранены, повязки набухли от крови, но не похоже, чтобы раны были тяжелые. Смотрят все хмуро, недобро.

– Я не знаю, падаль, зачем мы тебя тащили, – сообщил здоровяк, выходя вперед. Голос знакомый, именно он обещал все объяснить. – Я не знаю, что ты за человек, но из-за тебя погибло много наших. И ты за это заплатишь.

– А в чем моя вина? – спросил было Алкет, но здоровяк метнулся вперед и с размаху хлестнул его ладонью по губам.

– Говорить будешь, когда я разрешу, паскуда. Понял?

Гарду хватило сообразительности не бросить в ответ «понял» – иначе тут же нарвался бы на очередной удар. Поэтому он просто кивнул.

– Понятливый, – удовлетворенно прорычал здоровяк. Затем повернулся к остальным. – Из-за этой твари погибли наши товарищи. По меньшей мере двоих повязали... это я точно видел. Поэтому предлагаю его казнить. Медленно... как казнят тех, кто попал в руки имперцев живым. Или кто-то сомневается, что парней ожидает кол или костер?

Люди переглянулись, но никто не сказал ни слова. Вероятно, не сомневались. Да и Гард понимал, что с мятежниками у Империи разговор короткий. На прощение рассчитывать не стоит, на легкую смерть – тоже. Ему даже жаль стало этих двоих... в Броне достаточно мастеров, умеющих сделать последние часы жизни преступников невыносимыми.

– Так что выберем для этого ублюдка? Кол или костер?

– Касс, может, это... не надо? – подал голос один из мужчин. – Все ж, не зря и Базил, и Дебтер с Тигратом за ним полезли... уважить бы... их память.

– Если бы не полезли, были бы живы, – рыкнул бугай. – Значит, жизнь за жизнь. Одна за... сколько парней там полегло? То-то. А Лисмус, Саура... их кровь тоже на нем.

Он повернулся к Гарду, хищно оскалился.

– Что скажешь, тварь? За кровь платить надо?

Алкет задумался. В который раз вставал этот вопрос. Пусть и по другому поводу. Если подумать, люди вновь погибли из-за него. По словам человека, которого называли Базилом, все это нападение было задумано исключительно с целью вытащить его, Гарда. Опять льется кровь, и опять по его, пусть и косвенной, вине. Очевидно, этот Базил тоже не вышел из таверны живым. Может, Касс прав? Может, и в самом деле лучше умереть? По крайней мере на этом все закончится.

Ему вдруг остро захотелось жить. Пусть и сдохнуть, но не сейчас, позже. Не от рук этих... только что потеряли друзей и хотят новой крови.

И тут же в голову пришла еще одна мысль – неужели они и в самом деле не знают, с кем имеют дело? Забавно.

– Убьешь связанного? Да, в этом вы мастера... вас, небось, вдвое больше было, чем солдат, да? Они там пьют за победу – а вы тут, в лесу хоронитесь. Давай убивай. Сопrotивляться не буду. Разве что в рожу тебе плюну разок.

Насмешка подействовала. Касс и так был на взводе, как туго натянутый арбалет, и требовался крошечный толчок, чтобы он сорвался. Алкет рассчитывал подразнить здоровяка еще немного, доведя до белого каления, но этого не потребовалось. Получив фигуральный плевок в лицо и обещание плевка настоящего, наемник полностью потерял контроль над собой.

– Я тебя, сука, голыми руками порву! – заорал он, хватаясь за нож.

Это не очень вязалось с обещанием, и Алкет ожидал, что сейчас лезвие войдет ему в живот. Такие подонки очень любят, когда ножом в брюхо – чтобы жертва мучилась, чтобы ощущала приближение неминуемой смерти, чтобы ползала у ног убийцы, путаясь в вывалившихся из вспоротого брюха внутренностях.

Но нож лишь рассек веревки, стягивающие запястья пленника.

– Слушайте все! – прорычал Касс, демонстративно повернувшись к Гарду спиной, тем самым демонстрируя свое презрение к противнику. – Если этот ублюдок хотя бы раз сойдет с ног, то уйдет невредимым.

Алкет чуть заметно усмехнулся. Неужели остались еще люди, которые верят в подобные сказки? Сколько раз звучало подобное обещание и сколько раз поверивший в него оказывался обманутым. Если уж решили убить – убьют. А все эти единоборства, претендующие на благородство – не более чем дополнительное развлечение. Он, разумеется, вполне может победить. Касс выглядит настоящим бойцом, но и сам Алкет не всегда носил рясу безликого. Быть может, мечом он владеет не лучшим образом, но что касается рукопашного боя, тут дать отпор сумеет.

Только ведь зря это. Чего от себя-то таить... бывали времена, они и сами предлагали кому-то из пойманных бандитов подобное соглашение. Особенно если не успевали еще отойти от горячки боя, если душа жаждала крови. Конечно, некоторый риск в этом был – но надежные друзья подстрахуют, и если вдруг возжелавший свободы негодяй начнет одолевать, его тут же угостят стрелой или метательным ножом. Если же поединок ведется на кулаках, то пленник может даже верх одержать, но тут же кто-то из отряда заявит, что победа бесчестна и, следовательно, недействительна. И придется драться со вторым, с третьим... пока усталость не возьмет свое. Вспоминать стыдно – но что было, то было.

И сейчас Гард знал, что все это – лишь игра. Наемники продули схватку, в этом не было никакого сомнения. И теперь жаждут реванша, пускай даже это будет лишь расправой над беспомощным пленником. Наверное, поэтому и поединок предложили... если бы Гард не начал дразнить бугая, тот наверняка сам бы сделал шаг в нужном направлении. Так что никакого «уйдет невредимым» не будет. Напротив, убивать пленника будут долго, чтобы в полной мере насладиться процессом.

Проверять свою выносливость Алкет не собирался. И умирать тоже.

– Ну что, сука, готов? – Касс демонстративно стянул перевязь с мечом, швырнул оружие в траву. Туда же последовал тяжелый нож и тяжелый свинцовый шарик на длинной тонкой цепочке – кистень, оружие смертоносное, но и требующее немалого мастерства. Выставив перед собой огромные кулаки, наемник шагнул вперед.

И умер.

Ни одной боевой заготовки в запасе у Гарда не было, а потому в ход пошли простейшие атакующие заклинания, достаточно смертоносные, но не обладающие разрушительной силой цепной молнии или фаерберда. Простенькая ледяная стрела ударила именно туда, куда хотел волшебник – в глаз. Тут же поток ледяных и огненных стрел хлестнул по зрителям. Двое рухнули, остальные рванули из ножен мечи. В своих предположениях Алкет не ошибся – хлопнул арбалет, явно приготовленный на случай, если пленник посмеет проявить прыть. Но стальной болт отлетел в сторону, наткнувшись на подставленный «щиток».

– Взять его! – запоздало крикнул невысокий стрелок, отбрасывая разряженный арбалет и хватаясь за нож. В то же мгновение огненный шар попал ему в лицо, вспыхнули волосы, вопль сменился хрипом. Еще живое, но уже чудовищно изуродованное тело повалилось на землю.

Гард метался по поляне, то увертываясь от мечей и кинжалов, то подставляя под удары магические «щитки» и осыпая противников боевыми заклинаниями. Большая часть его атак пропадала даром, толстые куртки и кольчуги были почти непроницаемыми для огненных и ледяных стрел, камни «пращи» могли сбить с ног, могли сломать ребро, но смерть приносили, лишь попав в голову.

Обычный маг уже был бы убит, но Гард был воином – и сейчас пустил в дело все, что когда-то умел. В его левой руке появился меч – на земле уже лежало немало мертвых тел и бесхозного оружия хватало. Как и большинство магов, он прекрасно владел левой рукой – и буквально через пару мгновений сталь окрасилась кровью.

Схватка длилась не так уж и долго. Под конец этого бешеного танца на ногах остался один Алкет – остальные лежали вповалку, кто уже остывая, кто еще дыша. Самому Гарду тоже досталось. Несколько мелких царапин, глубокая рана на левом бедре, порядком обожженные пальцы правой руки. Впрочем в последней травме он был виноват сам, ударил фаерболом в упор, и кисть оказалась практически в центре огненной вспышки. Но это все мелочи. Теперь, когда руки свободны, он сумеет затянуть раны. А ожог... боль можно и потерпеть.

Он забормотал заклинание, заставляя кровь сворачиваться быстрее. Через несколько минут рана на бедре стянулась, образовав уродливый шрам. Некоторое время его надо будет оберегать, от резких движений плоть может разойтись. На завтра стоит еще раз воспользоваться магией – если накладывать на столь глубокую рану «исцеление» слишком часто, шрам исчезнет

за час-другой, но столь интенсивное восстановление тела почти наверняка вызовет страшную болезнь. Плоть взбунтуется, начнет разрастаться в разные стороны, захватывая все новые и новые, некогда здоровые участки... пока тело, уродуемое болью, не отторгнет душу. И вылечить эту болезнь, называемую «дикой порослью», невозможно, ибо даже магия лечит лишь то, что маг способен почувствовать, ощутить своим внутренним взором. А «дикая поросль» захватывает все тело, захватывает очень быстро...

Разобравшись со своей раной и убедившись, что болезненный ожог все же не лишил руку подвижности, Алкет занялся ранеными. Их было немного – всего четверо. Остальным повезло меньше. Молодая, лет двадцати, девушка тихо стонала, зажимая рукой глубокую рану на животе, там, где меч Гарда пробил легкую, тонкого плетения кольчугу. Он отвел ее руку – сил сопротивляться у нее уже не было. Рана была плохой... окажись на месте Гарда более слабый маг, и девчонке не жить. Но и он, закончив лечение, ощутил слабость. Стук сердца отдавался в голове, словно удары молота на наковальне, на лбу выступили капли холодного пота. Некоторое время он тяжело дышал, пытаясь унять дрожь в руках. Затем перешел к следующему телу, подающему признаки жизни.

Спустя час Алкет тяжело вздохнул и завалился на землю. Сил, чтобы встать, не было. Хотелось закрыть глаза и заснуть. Надолго. Лучше навсегда. Трое уцелевших спали магическим сном, и Алкет не опасался, что кто-то из них прирежет его, сейчас практически беспомощного. Четвертый... что ж, невозможно спасти всех. У него просто не хватило сил помочь сорокалетнему мужчине, чей бок был чудовищно изуродован фаерболом. Все, что сумел, – дал несчастному сон. Сон, после которого раненому уже не придется очнуться.

Он проснулся от холода. Было еще темно, но небо уже окрасилось в красные тона. Близился рассвет. Тело ломило, голова была словно чугунной, глаза слезились. Алкет попытался встать... и тут же снова опустился на сырую землю. Ноги отказывались держать его. Все же накануне он отдал слишком много сил, хотя и не жалел об этом. В бою он перебил бы наемников, не чувствуя ни раскаяния, ни жалости. Но раз уж им повезло остаться в живых – что ж, такова воля Эмнаура.

Алкет закусил губу. Мысль причинила почти физическую боль. Воля Эмнаура... именно она толкнула служителя на применение запретной магии... умерли десятки молодых, полных сил парней. Затем умирали и другие. Из-за него. Этого ли желал Эмнаур? Смерти? Крови? Или прав Борох – совсем не голос Эмнаура раздался в его голове тогда, во мраке каменной кельи.

Он заставил себя двигаться. Подполз к одному из спящих – волею случая это оказался тот самый мужчина, который пытался, пусть и без особого энтузиазма, защитить пленника от расправы. Морщась от разрывающей голову боли, связал спящему руки за спиной, затем так же тщательно обмотал веревками ноги. Снял сонное заклинание, пару раз толкнул своего пленника.

– Просыпайся...

Наемник открыл глаза, тут же дернулся – и выругался, обнаружив, что связан.

– Значит, ты маг... – пробормотал он. – Дерьмо... не стоило с тобой играть.

– Не стоило, – согласился Гард. – Но ведь можно было просто развязать и отпустить меня, верно?

Связанный попытался пожать плечами, но вышло это у него плохо.

– Лечил ведь, маг? Зачем?

– Ты так хочешь сдохнуть? – вопросом на вопрос ответил Гард.

Наемник помолчал, затем вздохнул.

– Я не против еще пожить. Но я тебя, маг, исцелять не стал бы.

– Быть может, быть может. Я бы хотел попросить тебя о маленьком одолжении...

– Перебьешься, – огрызнулся пленник.

– А если пообещаю отпустить?

Наемник криво усмехнулся.

– Все равно ведь отпустишь. Я таких, как ты, много повидал. Вы легко убиваете, но только не безоружных. Не беспомощных. Лежачих ногами не пинаете.

– Я прошу немногого. – Алкет усмехнулся. – Расскажи, что было там, в таверне. Почему вы напали на солдат.

– А, это... да ради Эмнаура... расскажу. Какие тут тайны. Особенно если учесть, что немало наших попали в руки безликих и сейчас наверняка рассказывают все без утайки. Ты ведь тоже мог бы заставить меня говорить, да, маг?

– Конечно.

– Я так и думал. Ну, значит, дело было так...

Пленника звали Лускер. Что-либо иное о себе, кроме имени, он сообщать отказался – да Гард и не настаивал.

Солдатам не потребовалось много времени, чтобы сообразить – пленника уводят у них прямо из-под носа. Они могли бы оставаться в таверне сколь угодно долго – зажечь здание осаждающим все одно не удалось бы, пробиться внутрь – тоже. Разумеется, рассказчик не знал, что латники ворвались в комнату на втором этаже, где и захватили тяжелораненого Базила. Но тот факт, что находящиеся в безопасности бойцы вдруг рванули наружу из-за надежных стен, говорил сам за себя.

Дверь отлетела в сторону, показались тесно сомкнутые щиты, о которые тут же забарабанили стрелы. В ответ ударили арбалеты. Упало несколько наемников, в том числе и уже раненый Тиграт. Из рассказа Гард понял, что этот Тиграт, а также упомянутые Дебтер, Базил, Саура и Лисмус были в этой банде за главарей.

Вполне вероятно, что наемники сумели бы отбиться – или уйти, скрыться в еще не разошедшемся тумане. Латники перли вперед, умело прикрываясь щитами и вовсю работая своими длинными мечами. Стрелы бессильно отскакивали от доспехов, легкие мечи наемников зря высекали искры из массивных кирас и наплечников. Рухнул Дебтер, отрубленная голова покатилась по земле. Саура завизжала, пустила стрелу – длинный тонкий наконечник вошел в смотровую щель шлема, убийца рухнул как подкошенный.

Лисмус (по словам Лускера, он был магом Алого Пути) метал огненные шары, затем ударил «огненным облаком» – латники метнулись в стороны, уходя от смертельного пламени, двое оказались недостаточно расторопными и покатились по земле, воя от боли. Выли недолго – огонь сожрал легкие, выжег глаза, осыпал кожу черным пеплом. Да еще одного подстрелила Саура, вновь доказав свою непревзойденную меткость.

Да, наемники могли бы уйти – пока имперские солдаты отступали перед облаком огня. Подхватить раненых, броситься бежать... но они не успели.

Из окна второго этажа выскочил человек, оставляя за собой дымящийся след. Перевернулся в воздухе, приземлился на ноги – Лускеру показалось, что от удара даже земля вздрогнула. А затем человек вскинул руки, и воздух наполнился смертью. Лисмус успел крикнуть одно лишь слово «герой» – а в следующий момент его тело отлетело к стене и вцепилось в нее с такой силой, что все услышали хруст костей. Никто не мог бы выжить от такого удара.

Почти треть оставшихся наемников погибли сразу – огненные птицы, стремительные полупрозрачные камни и бело-голубые росчерки молний не оставляли людям, не имеющим доспехов, никаких шансов. Поток огненных стрел обрушился на Сауру, ее дымящееся тело корчило в конвульсиях... и лишь тогда наемники ударились в бегство. Не раздумывая, прихватили с собой связанного человека, которого вытащил из таверны Дебтер... раз вытащил, значит, было надо. Их не преследовали – только лишь выпустили пару стрел да дымя-

щийся человек с лицом, закрытым закопченной бронзово-серебряной маской, швырял огненные шары, унесшие еще две жизни...

– Зачем полезли в таверну?

– Базил сказал, враг у него там был... Слушай, может, развяжешь? – Лускер скривился. Некоторое время ждал, затем сообразил, что никто с него путы снимать не будет. – Ну, так и сказал, мол, враг... только мало кто поверил. На врага, знаешь ли, не лезут толпой. Врага берут ночью, в доме, в теплой постели. И убивают медленно, с удовольствием. Или же подкарауливают в темном переулке и без затей суют нож под ребро.

Пленник помолчал, затем поинтересовался:

– А ведь он за тобой туда полез, так ведь?

Алкет задумчиво кивнул.

– Он что, был тебе другом?

– Нет... – тихо ответил Гард. – Не был. Я не знал этого человека.

Гард зашептал заклинание, глаза Лускера закрылись, он задышал ровно и спокойно.

Итак, вокруг опального волшебника раскручивается какая-то игра. Кому-то понадобилось вытащить пленника с костра... кому-то очень влиятельному. Была потрачена куча золота – нанять полсотни бойцов стоило немалых денег, гораздо больше, чем когда-либо имелось в распоряжении Гарда. И столь богатых друзей у него не было.

Что бы предпочел в этой ситуации Борох? Вне всяких сомнений, верховный жрец пожелал бы, чтобы Гард вернулся и отдал себя в руки закона. Торжественное сожжение преступника пойдет на пользу Империи... или лично Бороху? Его проникновенная речь о долге перед страной не оставила Алкета равнодушным, и тогда он готов был согласиться с тем, что кара должна свершиться.

Но сейчас он думал иначе. Десятки людей умерли ради того, чтобы дать ему свободу. Пусть большинство и не знало истинных причин, но эти причины были.

Алкет приложил ладони к вискам, снова зашептал заклинание – постепенно силы возвращались к нему. Не настолько, чтобы, к примеру, снова вступить в схватку – но достаточно, чтобы суметь двигаться. Необходимо было убраться отсюда подальше и по возможности побыстрее. Имперские солдаты уцелели и наверняка взбешены. Безликий тоже выжил и теперь будет рыть землю, чтобы найти беглеца. Очень скоро на каждой дороге, на каждой тропе будут стоять солдаты.

Гард осмотрел трупы, собрал кошельки, вновь убедившись, что за его свободу были заплачены немалые деньги. Наемники – люди небогатые и редко когда могут похвастаться увесистыми кошельками, но сейчас у каждого было золото. Что ж, мертвым монеты ни к чему.

Стиснув зубы и заставив чувство брезгливости замолчать, он снял с Касса одежду. Балахон служителя практически пришел в негодность, к тому же пробираться в нем через лес было не слишком удобно. Нашелся и приличный меч, куда лучше прежнего, схваченного второпях. Алкет выбрал двух лучших лошадей, наполнил переметные сумы едой и разными полезными в дороге мелочами. Часть еды сложил возле раненых, затем, подумав, спутал ноги оставшимся лошадям – когда уцелевшие наемники придут в себя, лошади им весьма пригодятся. Произойдет это нескоро, магический сон развеется в лучшем случае к утру.

Мелькнула мысль, что солдаты могут найти эту поляну раньше... Алкет покачал головой. Он сейчас находился не в том положении, чтобы проявлять излишнее человеколюбие. С одной стороны, эти люди спасли его, с другой – пытались убить. Значит, он, Алкет, ничем им не обязан. Пусть их судьбу решит Эмнаур.

Оставалось решить, куда идти. На восток, в Индар? Этот ответ напрашивался сам собой. Индар кичился своей независимостью и никогда не выдавал беглецов, которым посчастливилось пересечь его границу. Другое дело, что если его опознают, то Комтур прикажет каз-

нить преступника. Алкет невесело усмехнулся – да, в Индаре не популярны были костры или колья... просто повесят. Итог один, зато заметно меньше мучений.

Нет, путь в Индар слишком очевиден, и потому туда соваться не стоит. На востоке его будут искать с особым старанием. Там и мышь не проскочит.

Пиратские острова Южного Креста? Бессмысленно... треть капитанов кормится с ладони Императора, треть получает золото у Бороха или Братства, остальные пишут донесения Консулу. Там его схватят сразу же.

Отправиться в Кинтару? Это, пожалуй, более заманчивое решение. Разумеется, южане тоже не останутся в стороне в деле охоты за беглецом, но вряд ли станут проявлять слишком уж большую активность. Правителям Кинтары куда интереснее вопросы торговли, чем показательная казнь какого-то северянина. Соглашение о запрете использования «призыва» они, безусловно, подписывали – но никогда не относились к этому слишком серьезно. Быть может потому, что среди кинтарийцев традиционно рождалось мало магов.

Да, там спрятаться легче. Особенно если не соваться в Кинт Северный и устроиться где-нибудь на отшибе. Только вот попасть в южные края непросто... дороги через Выжженные Земли – тайна, старательно оберегаемая кинтарийцами. Будь это просто безопасные тропы, имперские следопыты быстро составили бы нужные карты. Увы... участок пути, по которому еще вчера спокойно прошел караван, сегодня может стать смертельно опасным. А завтра – вновь проходимым. Чтобы найти дорогу, по которой можно провести товар с наименьшим риском, требовался особый дар, и услуги людей, этим даром обладающих, стоили недешево.

Таких людей немного, каждый пользуется уважением, каждого знают в лицо и по имени. Бороху или Консулу, кто бы ни руководил поимкой беглеца, не составит труда держать под контролем все караваны, отправляющиеся в Выжженные Земли. Кинтарийцы даже не будут возражать против такого надзора – дело привычное. Империя всегда кого-нибудь ловит – убийц, фальшивомонетчиков, воров, дезертиров.

Значит, на север. В порту Луда можно найти человека, который за хорошую сумму золотом доставит беглеца в Верлен или Кинт Северный, не задавая лишних вопросов. Правда, по дороге может и горло перерезать да сбросить в море. Грех невелик, зато беспокойства меньше. Среди капитанов, возящих грузы и пассажиров каботажными рейсами, встречаются отъявленные сволочи, которых не считали пиратами только потому, что они иногда все же выполняли взятые на себя обязательства.

Путь по морю от Луда до Верлена долг, но относительно безопасен. Особенно если выбрать капитана, не брезгующего контрабандой – такой и сам не захочет встречаться со сторожевыми кораблями Гурана.

Алкет еще раз оглянулся на поляну, усыпанную телами. Да уж... солдаты непременно доберутся сюда, и если среди них найдется хороший следопыт, то ему не составит труда определить, сколько людей пришло на поляну и скольким удалось уйти. Значит, надо как следует запутать следы...

Решено, он пойдет на запад – там его будут искать в последнюю очередь. От Баттары на север, а затем вдоль горного хребта к Луду.

Глава 3

– А эта карта может показывать весь мир?

С того посещения смотровой площадки прошла неделя. По меркам замка, разумеется. Сколько дней или недель прошло в Эммере, сказать было сложно. Не более трех месяцев, это можно было утверждать точно. Леса не пожелтели – значит, осень еще не вступила окончательно в свои права.

– Да... что ты хочешь увидеть?

– Весь мир, – просто ответил он. – Весь, Санкрисст. Я неплохо знаю Инталию, не раз посещал Гуран, приходилось бывать и в Кинтаре. Но этим мои знания о мире исчерпываются.

– А ты хотел бы...

– Ты ведь маг, Санкрисст, и должен меня понять. Ты стремишься к древним знаниям – особенно к тем, что были утрачены во время Разлома. А я хочу побывать во всех землях, куда только могут пойти караваны.

Я подошел к карте, и, повинаясь моему приказу, она тут же изменилась. Исчезли мелкие детали, городов больше не было видно и даже горы казались игрушечными. Зато теперь можно было увидеть весь Эммер...

До Разлома этот мир был прекрасен. Огромный континент, несколько десятков больших и тысячи маленьких островов. Эмиал давал миру дневное тепло, с восхода и до заката согревая леса и поля, горы и реки, в равной мере отдавая свою ласку и людям, и животным, и птицам... И каждый вечер он уступал права Эмнауру – крошечному, не более серебряной монетки, яркому диску, плывущему по небосклону. Тем, кто посвятил день труду, Эмнаур приносил прохладу, покой и долгожданный отдых. Тем же, кто ночью искал себе добычу, тьма давала укрытие и защиту.

Под жарким светом дневного светила и серебристыми лучами хозяина ночи росли и крепились великие народы, рождались, выросли и умирали могучие государства. Люди создали величайшие произведения искусства, утонченные философские труды, величественные дворцы и замки... Маги, мудро направлявшие труды королей и императоров, вели народ к процветанию и благоденствию.

И все кончилось в один миг.

Никто не знал, откуда пришла беда... и даже рассказы очевидцев – в те времена, когда они еще были живы и могли поведать об увиденном, – во многом расходились между собой. Одни видели катастрофу как черную пелену, застлавшую свет Эмиала, другие – как огненную вспышку на небе, там, где пролегал путь серебристого Эмнаура. Но и те и другие сходились в одном – на землю Эммера обрушились потоки камней и пламени, а Эмнаур навсегда исчез с небосклона.

Под ударами небесных огненных камней рассыпались замки и крепости, трескалась земля, вбирая в пламенные недра целые города, выходили из берегов реки и бушевали, сметая все с берегов, океаны. Уцелели немногие...

Вся южная и почти вся центральная часть континента погрузились в океан. Исчезла некогда великая Кинтара, сохранив за собой лишь относительно небольшой участок побережья да один из городов – некогда являвшийся, мягко сказать, провинциальным, а после катастрофы вдруг превратившийся в столицу. Зато появились новые острова – кое-где это были лишь вершины гор, торчащих из воды и медленно разрушающихся под воздействием стихий, кое-где – самые настоящие островки, на которых вполне можно было жить. Много позже группа больших островов получила название Архипелаг Южный Крест. Красивое место, населенное воистину отвратительными образчиками людской породы.

Не прошло и нескольких лет, как люди, пережившие катаклизм, разделились на два лагеря. Одни утверждали, что светлая сила Эмиала отразила нашествие тьмы, подготовленное злой ночной звездой. И что катаклизм – это схватка великих сущностей, схватка, в которой победу одержал Свет. Другие же говорили, что все было иначе... что Эмнаур, серебряная звезда, восстал против тирании своего огненного родича – и был безжалостно уничтожен. Они видели – или верили, что видели, – волшебную огненную стрелу, поразившую Эмнаура...

С тех пор прошло много, много веков.

На обломках старого мира родились новые государства – поначалу крохотные, вроде Южной Кинтары или тогда еще не имевшего особого влияния Гурана. Но со временем положение изменилось... Гуран, где силой, а где и золотом подчиняя себе соседние уделы, постепенно превратился в сердце могучей Империи. По другую сторону горного хребта, пересекающего целевищую часть континента с южных и до северных берегов, набрала силу Инталия...

– А это что? – Дроган ткнул пальцем в несколько крошечных пятнышек в Северном океане, едва заметно проступающих сквозь облачную пелену. Это место вызывало немалый интерес и у меня... карта игнорирует туманы, но этот участок Северного моря неизменно прикрывает сизой дымкой, словно пытаясь что-то спрятать.

– Я не такой уж большой знаток картографии, – хмыкнул я. Карта послушно приблизила выбранное купцом место, но что-либо полезное разглядеть все равно было невозможно. – Похоже, остров... Я думаю, это легендарный Зор.

– Зор?

– Когда-то в северных водах был большой остров... но знаешь, Дроган, давай поговорим об этом в другой раз.

– Где я?

Таша рывком села на кровати, толстое грубое одеяло скользнуло на пол. Пальцы правой руки по укоренившейся привычке сложились в боевую форму, готовясь бросить боевое заклинание.

– Все хорошо, леди Рейвен, все хорошо... – затараторил знакомый голосок. – Теперь все будет просто замечательно.

Таша огляделась. Она находилась в небольшой комнате, чистенькой, но довольно бедной. Полы, укрытые цветастыми лоскутными половичками, узкая кровать с толстым, мягким тюфяком. Маленькое окошко затянуто мутным, дешевым стеклом. Небольшой стол, заботливо застеленный вязаной кружевной скатертью, был уставлен многочисленными баночками и кувшинчиками. Судя по запаху – с лекарственными сборами. Рядом со столом сидели двое – Альта, с явным удовольствием хрустящая яблоком, и опрятная пухленькая старушка, рассматривающая Ташу со странным выражением удовлетворения.

– Ну вот, Альта, я же говорила, что твоя госпожа придет в себя.

Голос у старушки был мягким, ласковым. Таша расслабила пальцы – похоже, атаковать тут было некого. Она посмотрела на себя – вместо привычного, хотя и порядком пострадавшего в ходе последних приключений дорожного костюма, на ней была длинная ночная рубаха из простого домотканого сукна, явно многократно стиранная. Поднесла к глазам руку – кисть казалась сильно исхудавшей, кожа выглядела чуть желтоватой, нездоровой.

– Госпожа, вы долго болели, но теперь выздоровели, – торопливо доложила Альта. – Теперь вам надо хорошенько поесть и побольше спать, тогда силы...

Договорить она не успела, Таша уже сделала попытку встать, ее ноги тут же подкосились, и девочка, бросившаяся на помощь, спасла свою госпожу от позорного падения на пол. Слабость накатила волной, руки мелко задрожали.

– Нельзя тебе так резко двигаться, дочка, – пробормотала старушка и поднесла Таше небольшой глиняный кувшин. – Ну-ка выпей...

Леди Рейвен подозрительно принюхалась, но от кувшина пахло вкусно... парным молоком. Она сделала осторожный глоток – и верно, молоко, безо всяких добавок.

– Пей, пей, – ласково улыбнулась старушка. – Отвары целебные, какие надо, потом глотать будешь. А молочко тебе сейчас в самый раз, силы подкреплять. Попозже кашки сварю... тебе грубой еды нынче нельзя, только вот молоко, да кашку, да тюрю еще. Медку хорошо будет... ну, медок найдется. Яблочка тертого вот... Ты пей, а мы с Альтой все тебе и расскажем, вижу ведь, от вопросов так прямо распирает. Меня Зельдой кличут, а это деревня Снежное. Маленькая деревня, у нас даже храма Эмиала нету. Ну а теперь пей и слушай.

Болезнь свалила леди Рейвен всерьез. Альта пришла в ужас, когда убедилась, что не может привести госпожу в чувство. Молодая волшебница то металась в бреду, то впадала в беспамятство. Девочка попыталась было поить леди целебными отварами, но время для сборов было не лучшим, да и нужных трав поблизости не оказалось. Того, что удалось найти, хватило лишь немного сбить жар да заставить успокоиться бешено колотящееся сердце.

– Малышка у тебя умница, – пояснила старушка, проводя пухлой ладошкой по золотистым волосам зардевшейся от смущения девчушки. – Если бы не ее мастерство... ох и не знаю, довезла б она тебя сюда живой или нет. Сердечко-то выскочить норовило, могло бы и не выдержать, я-то знаю...

О том, чтобы погрузить леди на лошадь, Альта даже и не думала, это все равно было ей не по силам. Она принялась мастерить волокушу, срубив несколько жердей мечом убитого разбойника. Возилась долго – нарезала веревки из одежды, снятой с трупа, перетягивала жердины, затем укладывала на волокушу госпожу (волшебницу тоже пришлось привязать). Делала перерывы лишь на сон – да на приготовления еды и отваров для бредящей Таши.

Затем отправилась в путь... Куда именно идти, она толком не знала, с окрестностями Школы была незнакома, но верила, что рано или поздно найдет хотя бы дорогу – а там доберется и до какого-нибудь селения.

Путь до села занял целых пять дней, поскольку Альта выбрала неверное направление и большую часть времени шла в никуда, пока не наткнулась на дорогу. Как оказалось, ее ошибка стала одной из самых больших ее удач – эта часть Инталии активно патрулировалась имперскими отрядами, и Альта с Ташей лишь чудом не попались на глаза солдатам. В маленькую деревеньку Снежное они прибыли уже ночью. Измотанная донельзя девочка долго колотила в первые же встреченные ворота, но люди, напуганные имперцами, не торопились открывать двери незваным гостям. Спасибо хоть указали ей путь к дому местной целительницы.

Целительница встретила путников без особой радости – пока не узнала, с кем ей предстоит иметь дело. Как и почти все целители, официально практикующие в городах, селах и деревнях Инталии, она была выпускницей Школы и, разумеется, не только не могла отказать орденцам в помощи, но, напротив, всем сердцем стремилась сделать все возможное.

К несчастью, ее способности к магии были минимальными – лишь чуть выше, чем у Альты, что все же позволило старушке в незапамятные времена получить ранг адепта и право на самостоятельную практику. Поэтому в ход пошли не заклинания, а многочисленные травки, отвары, компрессы, обтирания и прочие методы сельской знахарки. Увы, болезнь оказалась слишком запущенной, к тому же состояние Таши усугубило слишком частое использование магии, буквально выпившее те силы, которые организм должен был бы использовать для борьбы с недугом.

Леди Рейвен временами выходила из беспамятства, и тогда ее удавалось покормить – но приходило в себя лишь тело, разум отказывался возвращаться к жизни. Девушка бредила,

металась на постели, пару раз пыталась вырваться на свободу, убежать – и тогда Альта привязывала госпожу к кровати.

– Еще несколько дней, – вздохнула целительница, – и я бы начала всерьез подумывать о том, чтобы сварить тебе сонное зелье, от которого не просыпаются. Но слава Эмиалу, ты все же пришла в себя. Что ни говори, немалая сила в травках-то... Вы, волшебницы, куда больше на силу свою полагаетесь, а как сила кончится – так ровно дети малые.

Но опасения старушки не оправдались, болезнь отступила, и горячечные метания сменились спокойным сном. И теперь Таша проснулась.

– Зеркало найдется? – спросила она.

– Не надо тебе сейчас зеркало, девонька, – покачала головой Зельда. – Право слово, не нужно. Просто поверь, что исхудала ты страшно. Но мы с малышкой тебя быстро в порядок приведем.

Потянулись однообразные дни. Таша спала, ела, снова спала... Постепенно возвращались силы, и физические, и магические. На пятый день знахарка, неодобрительно покачав головой, все же разрешила волшебнице один короткий сеанс «исцеления». После того как угасло колдовское свечение вокруг пальцев, Таша грохнулась в обморок, до смерти перепугав Альту – но наутро (обморок перешел в сон) почувствовала себя намного лучше.

Настолько, что попыталась выйти из дома.

Альта загородила ей дорогу.

– В чем дело? – чуть суше, чем хотела, поинтересовалась волшебница.

– Нельзя вам на улицу, госпожа. – Альта стояла стеной, явно намереваясь защищать дверь до последнего.

– Так, так... – послышался за спиной голос целительницы. – Никак нельзя выходить тебе, девонька. Да и малышке твоей на улице лучше не показываться. Сколько я ни таилась, а слух, что хворую уже почти тридцать дён пользую, все же просочился. Деревня наша маленькая, тайну надолго не скроешь.

– Тридцать??? – До этого момента Таша как-то не задавалась вопросом, сколько времени отняла у нее болезнь. Месяц... немыслимо.

– Да, уж и лето кончилось, – улыbnулась Зельда.

– А почему мое пребывание здесь надо держать в тайне? – нахмурилась Таша.

– Здесь сейчас правят имперцы, я же говорила тебе, девонька... – Старушка подошла к Таше и, обняв ее за талию, потянула к постели. – Их отряды в Снежном останавливаются редко, но лучше бы поберечься... и еще знать тебе надо, награду за твою голову объявили. Сперва про двести золотых говорили, теперь уже четыреста сулят.

Таша понимающе хмыкнула. Наверняка всю эту деревеньку можно купить за десятую часть такой суммы.

– Народец здесь бедный, – в тон ее мыслям продолжала знахарка. – А деньги огромные. Людишки, конечно, совестливые и к Ордену относятся неплохо, но ведь не устоят, не устоят... не стоит соблазну подвергать, волшебница.

– А как насчет тебя? – Таша тут же пожалела о вырвавшихся словах, но нельзя проглотить уже прозвучавшее.

Целительница сверкнула глазами.

– Если б хотела выдать тебя, Таша Рейвен, так давно уж... пока ты была беспомощна.

– Прости. – Волшебница не знала, куда спрятать глаза.

– Ладно, понимаю, что не подумавши... мне их золото не нужно. На жизнь хватает, соседи с уважением подходят. А доброе имя – оно важнее золота. Но ты ведь знаешь, волшебница, когда детей кормить нечем, там, бывает, о добром имени думаешь в последнюю очередь... тут людей понять надобно и простить.

Таша кивнула. Честь и долг – слова громкие и красивые, но в жизни случается всякое. Чем обязаны селяне ей, богатой и красивой волшебнице Ордена? Да ничем, если подумать... И собственные сопливые младенцы любому пахарю или охотнику куда важнее, чем все благородные господа, вместе взятые. Помочь при случае – помогут, но монетку стребуют. Однако за монетку помогут и чужакам... а за четыре сотни золотых, вероятно, и в облаву за волшебницей пойдут. Всей деревней.

– Поэтому уходить тебе надо. – Зельда критически осмотрела гостью и добавила: – Не сегодня, конечно. И не завтра.

– Куда?

– Об этом подумаем вместе. Пойдем за стол... и Альту зови, она хоть и малышка совсем, но тебе всю душу предана. Ты ее береги, девонька. Настоящих друзей найти непросто.

Когда все расселись за столом, Зельда достала лист старого пергамента. Судя по цвету, на этом листе часто делали записи дешевыми, нестойкими чернилами, затем стирали написанное, возвращая листу если и не первозданную чистоту, то по крайней мере пригодность для дальнейшего использования. Уверенными движениями старушка набросала на листе несколько линий.

– Имперцев видели в Серебряном ручье и у Школы. Оскет сейчас пуст, все жители бежали оттуда. Здесь имперские разъезды появляются раз в три-четыре дня. Шиммель, по слухам, еще держится – эта крепость у Императора как кость в горле. Конечно, гуранских солдат там много, но они более озабочены штурмом бастионов арЛорена, чем поиском беглецов. А в порту всегда много кораблей. Как следует заплатить – и вас доставят куда угодно, хоть в Ленк, хоть в Луд, хоть в Кинт Северный.

– А Торнгарт?

– Разное говорят, – пожала плечами Зельда. – Путники доносят, что столица еще держится, а сами имперцы заявляют, что уж давно пала. Кому верить – решай сама.

– Если инталийские армии уцелели, то сейчас будут либо тут, – Таша ткнула в место на карте, примерно соответствующее Тимрету, – либо возле одной из приморских крепостей. Сур, Лангор, Троеречье... надо идти туда.

– Напрямую пройти будет сложно. Да и далеко. – Знахарка бросила короткий взгляд в сторону Альты. – А по морю проще и спокойней. И еще не забывай, девонька, что на севере тебя никто не ждет. Кстати, кому ж ты так мозоль отдала, что за твою голову награду сулят?

Таша пожала плечами. Она не имела ни малейшего представления, кто мог объявить охоту на нее. Ну, Блайт, Танжери... Конечно, в прошлом с этими двоими были некоторые трения, и наверняка Дилана с удовольствием перерезала бы Таше горло – но тратить на маленькую месть такие большие деньги? А уж Блайт и вовсе был выше мести. По крайней мере так о нем говорили. Да и за что мстить? За побег, им же и спровоцированный?

– Пойдете денька через три, – продолжала Зельда. – От лошади вашей толку не будет, пешком пойдете, через лес. На дорогах опасно, а в чащу имперцы не суются, можно на стрелу нарваться. И нарываюся, бывает... Правда, в наших лесах заблудиться невелика хитрость, так что от тракта далеко не отходите. Как всадников заметите – укройтесь в кустах. Всего пути вам дня четыре, если не торопиться.

Три дня пролетели быстро. Ташу уже тошнило от одной мысли о лечебных зельях, но Зельда продолжала пичкать девушку своими снадобьями, категорически запретив леди Рейвен пользоваться исцеляющей магией. По меньшей мере час в день отводила на занятия с Альтой – старая знахарка рассказывала малышке о травах, попутно отбирая им запас в дорогу. Объясняла, какие отвары нужно пить Таше, а какие не помешали бы и самой девочке. Альта с наслаждением впитывала новые знания. Книги – книгами, но многолетний практический опыт бесценен. И если уж Альте не суждено владеть магией, то пользоваться больных посредством обычных лекарств она вполне сможет.

Затем Зельда принималась готовить одежду для путников. Изящный костюм леди Рейвен не перенес пути по лесу на волокуше, но и даже если бы он уцелел, для путешествия по лесу требовалось нечто более... удобное. И теплое – с закатом приходила прохлада, а путникам предстояло ночевать не в самых комфортных условиях. Покупать готовые вещи было негде, поэтому Зельда пустила в дело свои запасы. Руки у нее были золотыми – уже к вечеру второго дня Таша была полностью экипирована. Хотя ее наряд не отличался изяществом, зато вполне способен был пережить дорогу.

Таша спала, когда чья-то рука дотронулась до ее плеча. Девушка тут же открыла глаза и увидела встревоженное лицо Зельды.

– Собирайся, девонька, быстрее.

– Что-то случилось?

– Шум в деревне. Кажется, это имперцы.

– Ты же говорила, что гуранские патрули время от времени к вам приезжают.

– Мне... мне кажется, они обыскивают дома. Вам лучше уходить. Прямо сейчас.

Таша встала с кровати и принялась натягивать одежду. Если имперцы и в самом деле решили обыскать все дома в деревне, то лучше как можно быстрее оказаться от этой деревни подальше. Вряд ли обыск имеет своей целью найти леди Ташу Рейвен, скорее всего имперцы просто занялись грабежом. Но попадаться им на глаза точно не стоит.

Собрались быстро. Зельда сунула каждой по мешку с припасами – Альте поменьше, Таше побольше. Дом знахарки, как это было заведено в любом селе, стоял на отшибе, и неподалеку начинался лес. Таша затянула пояс, сунула в кольцо шпагу, вложила кинжал в голенище сапога.

– Прости меня, Зельда. – Таша помялась. – Взять пару монет не откажешься?

– Не откажусь, – без тени смущения ответила Зельда. – Но не больше. Вам понадобится золото, чтобы попасть на корабль.

– Хочу я посмотреть на того смельчака, который откажется выполнять мои... просьбы, – хищно усмехнулась Таша.

Она протянула знахарке два тяжелых золотых кругляша. Та сунула монеты в карман, затем выглянула во двор. Откуда-то издали доносились крики.

– Быстрее. И запомни, леди, никакой магии крови. Даже самой слабой... хотя бы дней десять. Сейчас это может просто убить тебя.

Альта на мгновение прижалась к старушке, обхватив ее руками, а затем они с Ташей вышли, крадучись, со двора. Впереди лежала длинная дорога.

Зельда некоторое время смотрела им вслед – пока последнее движение не угасло во тьме. Затем вернулась в дом. Предстояло многое успеть – скрыть пребывание в доме посторонних, спрятать золото. Старушка всем сердцем желала леди Рейвен удачи.

Гуранцы ворвались к ней уже к утру – Зельда даже начала надеяться, что солдаты обойдут ее дом стороной. Не обошли. Трое солдат пинками сорвали простенький засов с двери, грубо отпихнули бабку и вошли в дом. Принялись сноровисто шарить по углам, отбирая что поценнее – до тех пор, пока один из них не наткнулся на ларь, наполненный лечебными препаратами.

– Колдунья? – Он посмотрел на вжавшуюся в угол бабку. – Орденская ведьма?

И прежде чем знахарка успела что-либо сказать, выхватил меч и ударил.

Карета, влекомая шестеркой лошадей, влетела на городскую площадь и остановилась. Дилана щелкнула пальцами, снимая «саван», и вышла, опершись о предусмотрительно предоставленную руку рыцаря. Седрумм предоставил леди Танжери весьма приличный эскорт и даже выделил двоих рыцарей сопровождать доверенное лицо Императора.

Волшебница усмехнулась, вспоминая последний разговор с генералом. Не слишком долгий разговор, полный взаимных недомолвок, незадаанных вопросов, неполученных ответов.

Впрочем, все мысли собеседника Дилана читала столь же легко, как если бы они были написаны на бумаге или пергаменте. Старый вояка плохо умел скрывать эмоции.

О причинах, по которым эта опасная женщина собралась ехать в Шиммель, генерал не спрашивал. Понимал, что в ответ на просьбу объясниться он в лучшем случае получит вежливый отказ. В худшем – приказ не совать свой нос не в свое дело.

Где-то в глубине души он даже надеялся, что леди Танжери достигнет успеха, чего бы она там ни придумала. Шиммель одним своим существованием напоминал всем и каждому о неудачах имперской армии. Взять эту твердыню имперцы пока не смогли... хотя нельзя сказать, чтобы особо настойчиво пытались. Седрумм не мог выделить серьезных сил для захвата морской крепости, все армии были сосредоточены у стен Торнгарты. На север отправили лишь полк легкой пехоты да полтысячи кавалеристов. Для серьезного штурма этого было явно недостаточно – хотя в распоряжении арЛорена было всего несколько сот солдат, мощные стены цитадели служили им надежной защитой.

Генерал поделился с леди Танжери (наглядно демонстрируя уважение и доверие к ней, как к представителю Императора) своими планами на ближайшее время, сообщив о намерении отправить два полка тяжелой и три полка легкой пехоты к северному порту. Крепость должна пасть – это будет способствовать повышению морального духа солдат. Кроме того, после убедительной победы войска можно отвести к Торнгарту – штурм инталийской столицы потребует всех наличных сил.

– Генерал Ульмир – опытный полководец. – В голосе Седруммы звучала чуть заметная ирония. – Он сумеет быстро справиться с защитниками. Правда, еще остается опасность, что к Торнгарту подойдут остатки инталийской армии.

– Не подойдут, – тихо заметила Дилана.

– Вы уверены, леди?

– Да.

Генерал вдруг ощутил, как по коже пробежал холодок. Ему разом расхотелось спрашивать, на чем зиждется уверенность Танжери.

– Хорошо... – кивнул он. – Значит, мы можем спокойно отвести часть войск. Может быть, леди, вам стоит отправиться вместе с генералом Ульмиром? Кое-кто из баронов еще сидит в своих замках, и их дружины беспокоят наши отряды. Путь с армией будет безопаснее.

– Нет, я отправлюсь сейчас, – упрямо заявила Дилана. – Пехота передвигается медленно, а я намерена прибыть в Шиммель как можно скорее.

– Как пожелаете... Ульмир выступит завтра на рассвете.

Расстались они вполне довольные друг другом. Седрумм наверняка порадовался, что волшебница покинет армию – Дилана знала, что ее общество генералу не слишком приятно. Она тоже не была в восторге от общения с ним, несмотря на то что из всех имперских полководцев Атрам Седрумм выглядел наиболее вменяемым. Хотя, если бы он знал, с какой целью леди Танжери собралась в северный город, наверняка озаботился бы пустить следом вестового, чтобы предельно ограничить ее полномочия. Или пустил? Интересно, рискнет ли генерал нажать себе врага в ее лице?

Рыцарь, подавший женщине руку, указал в сторону невысокого здания, богатого и ухоженного. Ранее здесь наверняка обитал городской управитель. У высоких – впору всаднику проехать не пригибаясь – резных дверей замерла стража.

– Полковник Тайрон Гвалм расположился здесь, леди. Желаете, чтобы охрана сопровождала вас?

– Нет, – покачала она головой. – Не стоит. Позаботьтесь о размещении... я думаю, ночлег мне понадобится на день, на два, не более.

– Как будет угодно госпоже.

– Меня вполне устроит гостиница. Но хорошая гостиница.

– Будет исполнено, госпожа.

Интересно, как рыцарь относится к тому, что она отдает ему приказы? По родовитости он наверняка выше ее, но всего лишь простой дворянин. Дилана мечтательно улыбнулась. Молод, красив... пожалуй, горечь подчинения женщине ему можно будет и подсластить. У нее давно не было мужчины, и сегодня вечером стоит эту ситуацию поправить. Заодно и выяснить, умен этот парень или только мечом махать обучен. Если умен – воспримет ночное развлечение правильно, не делая поспешных выводов. Если же нет... Император простит ей этот грех. Унгарт ясно дал ей понять, что убивать без причины не следует – но ведь и причину придумать нетрудно.

Она поднялась по белым каменным ступеням, тут же один из воинов заступил ей дорогу. Спокойно заступил, не хватаясь за меч. Даже изобразил вежливый поклон.

– Чего изволит госпожа?

– Я хотела бы увидеть полковника, солдат. – Дилана подарила стражу одну из своих улыбок, от которых мужчины, как правило, резко глупели. Этот исключением не оказался.

– Да, госпожа, конечно... позвольте проводить вас. Полковник не откажет в аудиенции столь очаровательной даме.

Он провел ее по устланной ковром лестнице, по длинному коридору, попутно кивая стоящим на каждом шагу солдатам – мол, все в порядке. Остановился у плотно прикрытой двери из дорогого черного, с красным отливом, дерева. Деликатно постучал.

– Прошу мгновение подождать, госпожа.

И скрылся за дверью. Дилана окинула себя мысленным взглядом. Да, все в порядке. Свежая кожа, не тронутая пылью дальней дороги, изящный костюм, выгодно подчеркивавший фигуру, густая грива темных волос.

– Прошу вас, госпожа.

Она вошла. Из-за широкого стола навстречу ей поднялся кражистый мужчина с коротким ежиком седых волос и массивной, выдвинутой вперед челюстью. На нем был слегка потертый мундир полковника имперской легкой пехоты. Дилана встречала людей подобных этому полковнику. Наверняка, как и другие, любит выставлять напоказ свою близость к армии... хочет, чтобы каждый солдат считал его отцом родным. И мундир, и небрежно брошенная на диван у стены кираса, с порядком облупившейся эмалью, со вмятинами от пропущенных ударов – все это игра на публику. Наверняка и меч такой же, без украшений, тяжелый, грубый. И есть полковник предпочитает из солдатского котла, не иначе. Она чуть заметно поморщилась – терпеть не могла подобных демонстраций. А это именно демонстрация... будь он и в самом деле таким, каким хотел казаться – сейчас находился бы рядом с солдатами, у стен цитадели. Так нет же, выбрал лучшее в городе здание, окружил себя пятью кругами охраны. Этим бы парням – да на приступ. Глядишь, и не мозолила бы глаза твердыня Шиммеля.

– Счастлив приветствовать вас, прекраснейшая. – Полковник оскалился, что должно было обозначать дружелюбную улыбку. – Полковник Тайрон Гвалм к вашим услугам. Но я буду бесконечно рад, если вы окажете мне честь называть меня просто по имени.

Он даже поклонился... не без изящества, следовало отдать должное.

Дилана смерила его взглядом, чуть склонила голову – то ли приветственный поклон, то ли согласие на предложенную фамильярность – и прошла прямо к столу. Опустилась в кресло полковника, небрежно закинула ногу на ногу. Из кармашка достала небольшой золотой медальон, небрежно бросила на стол.

– Я Дилана Танжери, дорогой Тайрон. Вы можете называть меня просто леди Танжери.

Улыбка на мясистом лице полковника тут же увяла – и вернулась, но теперь она выглядела откровенно натянутой.

– Какая честь, – кисло пробормотал он. – Леди Танжери... позволительно ли узнать, какое дело привело вас в Шиммель?

– Позволительно, – кивнула она. – Но сначала я бы хотела задать один вопрос... почему ваша охрана столь беспечна? Солдат, препроводивший меня сюда, не задал ни единого вопроса. Если бы на моем месте была убийца Ордена... а поверьте, у них хватает красивых женщин, то уже сейчас у имперской армии было бы одним полковником меньше.

– Он... – пробормотал полковник, отводя взгляд, – он будет наказан.

– Нет, я думаю, он должен быть поощрен. Что может быть для солдата лучшей наградой, чем слава? Когда ваши войска пойдут на штурм? Я бы хотела увидеть его в первых рядах.

– Как вам будет угодно. – Улыбка окончательно исчезла, и теперь полковник взирал на незваную гостью даже без намека на симпатию. Дилана подумала, что Гвалм и в самом деле служака... любой придворный щеголь нашел бы в себе силы изображать любезность сколь угодно долго.

– Правда, я не уверен, что в ближайшее время решусь на штурм.

– Вот как?

Повисла долгая пауза. Дилана коснулась медальона пальчиком с длинным ухоженным ноготком, многозначительно посмотрела на Гвалма.

– Полковник, я требую отчета о состоянии ваших дел.

– Как прикажете, леди. – Видно было, как ему не хочется говорить, но спорить с обладателем медальона «карающей руки» было чревато весьма неприятными последствиями. – В настоящее время потери полка составляют двести пятьдесят три человека убитыми и тяжело ранеными. Легкораненых около трехсот. По моим расчетам, в цитадели чуть менее двух сотен защитников. Попытка штурма представляется мне... бесперспективной. Необходимы подкрепления. Пока же моих солдат хватает лишь на удержание блокады вокруг крепости и на патрулирование города.

– То есть, полковник, вы потеряли четверть состава своего полка, ничего не добившись?

– Я бы так не сказал... – заиграл он желваками. – Порт полностью находится под нашим контролем. Доставить в крепость припасы невозможно. АрЛорен не рискует делать вылазки... один раз попробовал, и это стоило ему по меньшей мере двух десятков человек.

– А вам?

Он все же отвел глаза. Промолчал, не желая отвечать на провокационный вопрос. Дилана ответа и не ждала. Ясно как день, если уж арЛорен рискнул контратаковать, то явно не ради того, чтобы предложить имперцам честную схватку клинок к клинку.

– Полковник, сколько метательных машин в вашем распоряжении?

– Большая часть катапульта в настоящее время... ремонтируется, – ответил он после паузы. Ответил неохотно, уже понимая, каким будет следующий вопрос. – Да, леди Танжери, они сожгли пять катапульта и перебили три десятка прислуги. Если бы мои ребята не остановили инталийцев, мы бы потеряли все катапульты.

– Если бы ваши солдаты занимались делом вместо охраны вашей резиденции, полковник, катапульты остались бы целы, – ядовито прошипела Дилана, но затем расслабилась и улыбнулась. – Впрочем, теперь это не важно. Завтра арЛорен сдаст цитадель.

– Сдаст? – Гвалм явно не поверил собственным ушам.

– Именно. Где-нибудь к полудню. Надеюсь, вы будете при этом присутствовать, обещаю, зрелище будет интересным и весьма поучительным. Сейчас я намерена отдохнуть. А утром, часам к десяти, жду вас у цитадели. Да... мне понадобятся местные жители. Думаю, полсотни хватит. Женщин. Детей постарше.

– Леди, вы желаете отправить солдат на приступ под прикрытием мирных жителей? Мы пробовали и это, – криво усмехнулся Гвалм. – Они просто садятся на землю и отказываются идти. Ребята убили троих или четверых... но на остальных это не подействовало.

– Полковник, зачем гадать? Вы все увидите. И, кстати, проводите меня до выхода... а то вдруг не все ваши стражи столь... ненадежны.

Он сверкнул глазами, и Дилана подумала, что не хотела бы оказаться на месте того благодушного солдата. Вероятно, милейший Тайрон придумает для нерадивого охранника наказание посерьезнее, чем просто оказаться в первых рядах штурмующих крепость арЛорена. Тем более что штурм все равно не будет.

Утро выдалось ясным и прохладным, воздух был восхитительно чист, и в его кристальной прозрачности можно было разглядеть каждый камень могучих бастионов. Остатки имперского полка выстроились на достаточном расстоянии от стен, где их не могли достать ни стрелы, ни камни катапульт. Лица солдат были мрачны – ох, не хочется им на приступ идти, не хочется. И неудивительно – отряд чуть более чем в тысячу человек эти стены перемелют в кровавую кашу.

Тут же стояли и горожане. Дилана окинула взглядом нестройную толпу, удовлетворенно кивнула. Полковник приказ выполнил старательно, словно пытаясь хоть этим загладить свою некомпетентность. Полсотни, как и было приказано. В основном подростки и молодые девушки. Две матроны постарше, одетые не то чтобы дорого – но вполне пристойно. Не из бедных. Трясутся от страха... ну, это они правильно.

Ни жалости, ни симпатии к пленникам Дилана не испытывала. Она вообще была в плохом настроении. Новый поклонник не оправдал надежд – в постели это прекрасное тело оказалось скучным и пресным. Правда, сейчас он искренне верил, что сумел покориť сердце одной из самых известных и самых красивых женщин Империи, и теперь победно смотрел на всех окружающих, выпячивал грудь колесом и готов был на любые подвиги. Ну что ж, подвиги его ждут.

– Полковник, у вас найдется белый флаг?

– Что, леди? – Гвалм удивленно посмотрел на посланницу Императора.

– Белый флаг... я намерена вступить с арЛореном в переговоры.

Подходящая белая тряпка нашлась – одна из горожанок теперь ревела, прикрывая срам ладонями. Кто-то из подростков снял с себя и сунул ей рубаху.

– Пусть юбку привяжут к копыю. Один из солдат пойдет к воротам крепости и пригласит Ульдера арЛорена на переговоры. Объяснит, что я, леди Танжери, желаю говорить с ним и гарантирую его личную безопасность и свободу. Именем Императора. Парламентер должен быть вежлив и корректен. Это понятно?

– Да, леди. Все будет исполнено в точности.

Парламентер стоял у ворот крепости долго. Вероятно, в конечном итоге обещания Диланы возымели действие, поскольку со стены спустилась легкая деревянная люлька. В ней находился всего один человек. Полковник Ульдер арЛорен.

Он подошел к имперцам неспешно, даже вальяжно. Так победитель подходит к побежденным. Да он и ощущал себя победителем – пусть даже на один-два дня. АрЛорен уже доказал, что с военным делом знаком неплохо. Имперский полк изрядно потрепан, осадные машины сожжены. Крепость живет и борется. Ему есть, чем гордиться. Безусловно, арЛорен понимает, что рано или поздно цитадель падет, для имперских генералов это станет делом чести – даже если удержать северный порт в руках Империи не удастся.

Сверкающие эмалью доспехи, белоснежный, без единого пятнышка, плащ. Глухой шлем с перьями цапли на локте левой руки. Правая, в стальной перчатке, пуста – но на боку висит меч. Если Дилана нарушит данное слово, меч рыцарю не поможет, и он это знает.

– Приветствую, полковник.

– Леди Танжери, как я понимаю? – Он отвесил ей поклон.

– Рада знакомству, – мило улыбнулась Дилана.

– Не могу сказать того же, – сухо ответил арЛорен. – Я бы предпочел видеть вас на костре, леди. У Инталии к вам счета, вы ведь знаете?

– Разумеется.

– Вот я и думаю сейчас, что ценнее – моя жизнь или ваша?

– Мне кажется, полковник, вы выбрали не самый лучший тон для переговоров.

– Да? Ну что ж... Что вы уполномочены предложить мне, леди Танжери? Я думаю, о капитуляции речь не пойдет?

Дилана серьезно кивнула.

– Именно о капитуляции я и намеревалась поговорить.

Светоносец рассмеялся. Весело, непринужденно – как от доброй шутки в хорошей компании.

– Имперские войска намерены сдаться?

– Ваш юмор неуместен, полковник. – Дилана не повела и бровью. – Я предлагаю вам сдать крепость.

– Но почему, леди Танжери? Неужели ваша жалкая горстка солдат сможет взойти на стены? Сегодня чудесное утро, вы повеселили меня. Приятно начинать день в хорошем настроении, не так ли?

– Так вот, полковник, – Дилана словно бы не слышала насмешки, – вы сдадите крепость. А чтобы убедить вас в серьезности моих намерений...

Она повернулась к рыцарю, скрасившему, пусть и бездарно, ее ночь.

– Энниг, приведи кого-нибудь из жителей.

Спустя несколько мгновений, высокая девушка была брошена в пыль к ногам Диланы.

– А теперь убей ее.

– Убить? – На мгновение рыцарь опешил. – Зачем?

Дилана поморщилась. Не стоило поручать такое дело благородному... в горячке боя он, не задумываясь, перерезал бы горло и ребенку, и старухе. Но сейчас воспитание рыцаря восставало против полученного приказа. Пожалуй, он не подчинится. Дилана оглядела ряды солдат, выбрала одного с рожей висельника и убийцы. Жестом подозвала к себе.

– Убей.

Солдат, ни на мгновение не задумавшись, полоснул ножом по горлу все еще стоящей на коленях девушки. Дилана отступила назад, чтобы ни одна капля ударившей фонтаном крови не упала на ее костюм. Тело, дергаясь в конвульсиях, завалилось набок. Солдат неторопливо вытер нож об одежду убитой, выпрямился. Лицо его было спокойным.

Светоносец с ненавистью смотрел на Дилану. И от нападения его удерживала только мысль о полной бесперспективности этой эскапады. Хотя Дилана видела, что орденец уже находится на грани... еще немного, и он в самом деле решит, что его жизнь в обмен на жизнь Танжери – не самый худший размен. На всякий случай она сделала еще один шаг назад, увеличивая дистанцию между собой и рыцарем.

– Так вот, полковник арЛорен, примите мой ультиматум. – Она чеканила слова, понимая, что именно такой размеренный речитатив не даст светоносцу сорваться в бездну слепой ярости. – Если вы сдадите крепость, то я, леди Дилана Танжери, своей честью и именем Императора обещаю вам свободный проход. Солдаты полковника Тайрона Гвалма не будут атаковать. Вы уйдете в полном вооружении, при знаменах, а также сможете забрать из крепости абсолютно все, что сможет вам понадобиться в пути. Империи не нужна бойня. Если сочтете нужным, можете направиться на соединение с инталийской армией. В настоящее время она сосредоточена в пределах герцогства Тимрет.

Она на мгновение замолчала, затем уверенно продолжила:

– Если же вы отклоните мой ультиматум, я буду каждые пять минут убивать по одному заложнику. До тех пор, пока в этом городе есть хоть кто-то, кроме солдат Империи. После этого я распоряжусь, чтобы сюда доставили жителей окрестных поселений. Я хочу, чтобы вы, полковник арЛорен, подумали о том, что долг рыцаря Ордена – защищать жителей Инталии. Своим упорством вы обречете их на смерть. Двенадцать человек в час. Почти триста человек в

сутки. И так до тех пор, пока в округе не останется ни одной живой души. Все эти люди умрут лишь потому, что вы будете цепляться за эти каменные стены.

Дилана перевела дух и уже нормальным тоном добавила:

– Это все, полковник. Вам потребуется время на размышление?

– Да... – Гордый светоносец явно был сбит с толку.

– Это хорошо. Думайте, я вас не тороплю.

Она повернулась к солдату, все еще стоящему рядом с ней.

– Веди следующую.

– Постойте! – Орденец сделал шаг вперед и остановился, увидев, как вылетели из ножен мечи эскорта леди Танжери. – Вы же дали мне время на размышления! Я не могу принять подобного решения, не выслушав мнения своих офицеров!

– Конечно, дала. – Дилана сделала над собой усилие, чтобы не усмехнуться, поскольку сейчас необходимо было сохранять серьезность. – И мои слова останутся в силе. Все слова, полковник. И насчет времени... и насчет пяти минут.

Спустя полтора часа ворота крепости распахнулись. Орденские солдаты выходили медленно, ошетинившись сталью. Их было даже меньше, чем предположил Гвалм – не больше двух сотен. Вероятно, они ожидали, что сейчас гуранцы бросятся на них со всех сторон, сомнут... смяли бы, конечно, при пятикратном численном перевесе исход стычки предсказать совсем нетрудно.

Понял это и Гвалм. Поднял руку, собираясь отдать приказ – и замер, натолкнувшись на ледяной взгляд Диланы.

– Они уйдут без боя, – прошипела она, метая глазами молнии. – Или ты считаешь, ублюдок, что я разбрасываюсь словом Императора просто так? Только посмей – и кол на площади Брона покажется тебе счастьем.

Он колебался, с ненавистью глядя на Танжери. И та вдруг поняла, что полковник думает сейчас даже не о том, отдать приказ об атаке или нет, а о том, сумеет ли скрыть смерть эмиссара Императора, если сейчас свернет ей шею. Не сумеет, слишком много свидетелей, каждому рот не заткнешь.

Затем страх все же пересилил мимолетную решимость. Полковник отвернулся.

– Стоять! Мечи в ножны!

Орденцы шли – мимо замерших солдат, мимо спокойной Диланы. Мимо кучи женских трупов – почти двадцать тел с одинаково, одним заученным движением перерезанными шеями. Лишь арЛорен шагал, не глядя по сторонам, и даже не взяв в руки меч.

Сейчас Гвалм изо всех сил надеялся, что ни у кого из солдат не сдадут нервы. Что не тренькнет тетива арбалета, посылая в сторону италийцев короткую тяжелую стрелу. Надеялся, потому что в глазах леди Танжери он прочел приговор. Себе. В кого бы ни выстрелили сейчас – это будет выстрел в него, в Тайрона Гвалма. И если хотя бы половина слухов о леди Танжери правда, он и в самом деле будет мечтать о смерти на колу. Она сумеет.

Обошлось. Орденцы прошли сквозь ряды солдат – им уступили дорогу. Против ожидания, вслед не полетели ни оскорбления, ни сальные шуточки. Все происходило беззвучно – лишь тяжелые удары ног, хриплое дыхание многих сотен людей да звон стали. В середине строя шагал молодой знаменосец, совсем еще мальчишка, сжимая дрожащими руками древко с бело-золотым стягом. Вокруг него гурьбой двигались люди от воинского дела далекие – в основном женщины, дети, несколько стариков. Матрона в дорогом платье, совсем не предназначенном для пешего перехода, несла на руках мирно посапывающего ребенка. Вероятно, это были домочадцы офицеров и тех солдат, кому разрешили обзавестись семьей. Да еще некоторые из слуг, те, кто счел отступление вместе с солдатами менее опасным, чем остаться в опустевшей цитадели.

– Неужели они так и уйдут? – прошептал полковник, с ненавистью глядя вслед удаляющимся орденцам.

– Уйдут, – твердо заявила Дилана. – А через два или три дня встретятся с отрядом генерала Ульмира. Пять укомплектованных полков. Из них два – тяжелой латной пехоты. Скорее всего индарские наемники. Думаю, вам хватит сообразительности послать к генералу гонца, чтобы он должным образом подготовился к встрече?

– А как же слово Императора? – не выдержав, съехидничал полковник.

– Я не нарушаю слова. Солдатам Ордена был обещан свободный уход из Шиммеля. С оружием, со знаменем. Я дала им совершенно точную информацию о расположении остатков инталийской армии.

Она несколько мгновений помолчала, затем сухо добавила:

– И не моя вина, если они не сумеют всем этим воспользоваться.

* * *

Таша неспешно шла по улице, закутавшись в плащ, полностью скрывавший ее тело, а заодно и лицо. Альта следовала позади, все время отставая, а затем нагоняя госпожу. Для девочки это был первый город в жизни – по крайней мере первый город, который она видела с тех пор, как потеряла память. И сейчас она вертела головой, стараясь ухватить взглядом все сразу. Высокие здания – в два, три, а то и четыре этажа. Широкие, мощенные камнем улицы. Шумный рынок... Таша могла бы сказать, что сегодня здесь на удивление мало народу, но для Альты и эти несколько сот человек, одновременно собравшихся на площади ради покупки и продажи, казались огромной толпой.

Еще она гладела на людей. Война войной, но портовый город всегда привлекал торговцев. Много безопаснее доставить товары на корабле, чем вести караван через земли Гурана и Инталии, где всегда найдутся лихие люди, готовые рискнуть своей шкурой ради доброй добычи. А потому даже сейчас, в это беспокойное время, в Шиммеле немало было гостей. Напыщенные кинтарийские негоцианты, в шелках и парче кричаще-ярких расцветок, со странными шляпами из накрученных прямо на головы полос ткани, с ухоженными бородками, часто разделенными на две, а то и на три части, украшенными ленточками и драгоценными цепочками тонкой работы. Диковатого вида пираты с архипелага Южный Крест, увешанные оружием сверх всякой меры – часто драгоценные сабли и мечи, кинжалы тонкой работы соседствовали с грубыми, кое-как откованными тесаками, а изысканные одежды – с откровенным рваньем. Кое-где мелькали статные мужчины в кольчугах с серебряными пластинами – индарские купцы, как и индарские воины, редко расставались с боевым железом. Время от времени по камням грохотали шаги имперских патрулей – даже несмотря на то что город уже не пытался сопротивляться захватчикам, гуранцы не рисковали отпускать своих солдат на улицы Шиммеля меньше, чем по десятку.

Только белых плащей рыцарей-светоносцев нельзя было сейчас встретить в этих местах.

Переход от деревни до Шиммеля дался Таше тяжело. Поначалу она была уверена, что силы полностью к ней вернулись – но уже после первого часа в пути поняла, что если немедленно не отдохнет, то еще через несколько шагов просто рухнет без сил. Постепенно привалы становились чаще. К сумеркам прошли много меньше, чем планировалось, и тем не менее Таша ног под собой не чувствовала от усталости. Работать по устройству ночлега снова пришлось Альте. Вооружившись маленьким тесаком, девочка быстро нарубила лапника, организовав мягкую, хотя и несколько колючую, постель. Затем занялась ужином – в дорожных мешках было достаточно провизии, не очень вкусной, зато удобной для дальних переходов. Орехи, вяленое мясо, сыр, подсушенный хлеб. Измотанная волшебница с трудом впихнула в себя

несколько кусочков сыра, затем, давясь и сдерживая тошноту, выпила полкотелка приготовленного Альтой лечебного отвара и забылась тревожным сном.

День за днем... Когда впереди показались предместья Шиммеля, Таша даже не поверила своим глазам. Неужели где-то там есть шанс найти нормальный ночлег, чан с горячей водой и кусочек свежеподжаренного мяса. Сейчас это казалось чудом.

Первым ее желанием было сунуться в ближайший дом, предложить хозяину пару монет за стол и ночлег... но, поразмыслив, девушка решила, что это будет не очень разумным поступком. Вне всякого сомнения, награда за ее голову способна соблазнить любого... или почти любого. Лучше уж провести еще одну ночь в лесу, а затем сразу отправиться искать корабль.

Альта не стала спорить – хотя тоже страшно устала. Ночь прошла спокойно. Утром странницы двинулись в город. Потратив почти два часа, Таша полностью сменила одежду – теперь она была похожа на небогатую горожанку. В иное время леди озаботилась бы наложить на себя, а заодно и на свою спутницу заклинание «фантом» – и новая одежда не понадобилась бы. Увы... сейчас это было не в ее силах. Разумеется, волшебница не собиралась следовать прощальному совету Зельды и уже на втором привале попыталась заклинанием залечить своей спутнице длинную кровоточащую царапину на плече – девочка неудачно оступилась, и острый сучок, вспоров ткань куртки, сильно разодрал кожу.

И потеряла сознание.

Очнулась она спустя час – слабость была такой, что, казалось, невозможно поднять даже ложку. Альта сидела рядом, бледная и испуганная.

– Что со мной... было?

– Вам ведь нельзя использовать магию крови, госпожа, – пробормотала та, поднося к губам волшебницы чашу с целебным отваром. – Зельда рассказывала, пока вы спали.

– Что она... говорила?

Альта на мгновение закусила губу, словно стесняясь читать лекцию мастеру магии. Затем заговорила менторским тоном, неосознанно повторяя интонации Орделии Девон, стараясь не встречаться с Ташей взглядом.

– Магия крови использует жизненную силу самого мага даже в том случае, если используются жертвоприношения или иные компоненты – частички плоти, живая кровь. Сильные заклинания расходуют много силы, слабые – меньше. Поэтому даже опытные маги крови в бою больше полагаются на боевые заклинания стихий. Если остаток собственных сил волшебника становится меньше определенного индивидуального уровня, он может потерять сознание...

– О Эмиал, где же ты набралась такого занудства, малышка? – вздохнула Таша. – А никак нельзя сказать попроще?

– Можно, госпожа. У вас сейчас нет запаса жизненной силы. Вообще.

– К-как... это же... смерть?

– Если будете пользоваться магией крови, то так и будет, – девочка вымученно улыбнулась. – Вы лишь чуть-чуть восстановили резерв... и тут же выпили его до самого дна.

– Я всегда быстро восстанавливалась, – пожала плечами волшебница.

Но она понимала, что это пустые слова. Собственно, ничего нового она не услышала – все это она знала. Когда-то. А теперь давно и прочно забыла. Жизненная сила – это не просто здоровье, мускулы, сытость или что-то еще. Именно эта сила делает человека способным к магии, и она, по сути, порождает саму себя. Когда ее много, то и восстановление идет быстрее. Создав «стрелу мрака», можно уже через час пустить вторую – и не ощутить слабости. Но если сил нет вообще, то пройдет немало времени, прежде чем затеплится хотя бы жалкая искорка. Да, Таша читала об этом. Очень давно.

Проклятье... Зельда могла бы и объяснить. Глядишь – и не лежала бы сейчас леди Рейвен пластом, не в силах даже шевельнуться. Все лечение насмарку.

К счастью, все оказалось не так уж страшно. Через пару часов она смогла встать, еще через час – самостоятельно сделала десяток шагов, не опираясь на плечо Альты. К утру уже готова была к дальнейшему пути, хотя в тот день удалось пройти совсем мало.

И вот они в Шиммеле. Таша понимала, что силы к ней еще не вернулись – она вполне могла бы сжечь пару-тройку противников, могла бы пустить в ход и шпагу, но воспользоваться даже простейшим «фантомом»...

– Куда мы идем, госпожа? – Альта на мгновение отвлеклась от своего увлекательного занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.